ISSN 0131—5994

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 5/87
Май

В НОМЕРЕ:

Мир, Труд, Май и Победа в великой битве за социалистическое Отечество — слагаемые праздника весны, который в нашей стране отмечают все от мала до велика, как отмечает его и этот мальчуган, вышедший вместе с отцом на демонстрацию в защиту мира, в защиту своего будущего.

Фото Е. СТЕЦКО

ДАВАЙТЕ ПОГОВОРИМ

Пьер ГАМАРРА, французский писатель, участник международного форума «За безъядерный мир, за выживание человечества»

Теперь я убежден — молодежи нужно говорить и о смерти тоже. Я знал одного старого и тем не менее умного человека, который часто повторял: «Нужно умереть молодым, но как можно позже». Молодым не запрещено оставаться и в 100 лет. Правда, для писателя есть только один выход — оставаться бессмертным, однако бессмертным не самому по себе, что невозможно, а вместе со всем человечеством, в его сознании и памяти. Вы знаете, конечно, знаменитую фразу: «Мы хотим вместе жить, а не умереть».

Однажды на встрече с детьми — мои читатели дети — я познакомился с замечательным парнишкой. Он подошел ко мне и стал разглядывать, молча. Я его спрашиваю: «Что-то не так? Пуговицы у меня неправильно застегнуты?» А он только мнется и молчит. Я настойчивей. И тогда паренек мне заявляет: «А я думал, все писатели давно уже умерли!» Постой, приятель, ты честен, но почему твой учебник так любит заключать в скобки даты жизни и так не любит жизнь? Передай своему учителю от пока живого Пьера Гамарра, что Гюго вообще-то не умирал, что Бальзак жив и Золя здравствует. Иначе и быть не может. Тоскливо было бы сознавать, что в сознании молодежи большие художники мертвы. Напротив, большие художники как раз живы и помогают жить!

В войне страшно даже не то, что она уничтожает памятники и библиотеки, а то, что кромсает будущее искусство, убивает будущих Моцартов и Викторов Гюго. Тому пареньку я так и сказал: «Я живой, давай поговорим».

Вашим читателям я предлагаю — давайте поговорим вот о чем: во Франции и у вас молодые люди невероятно похожи друг на друга своей реакцией, когда с ними говоришь вот так, как сейчас с вами. Почему, скажите, они задают одинаковые вопросы? Почему в первую очередь всех их интересует время, вплоть до того, сколько времени ушло на такую-то книгу, статью, а потом — обязательно, где правда, где вымысел, где свидетельство очевидца, где выдумка? Видел ли я все сам, не я ли прототип того персонажа? Ведь такие вопросы отражают своеобразие взгляда молодых на жизнь. Меня, например, время интересует уже меньше, чем правда.

Вымыслы все до одного возникают на Земле. Не на Марсе. Чтобы по-детски доступно доказать, что все мы можем и должны думать и выдумывать как граждане Земли, я часто задаю своим читателям такой наивный вопрос: «Как описать маленького марсианина?» Описывают его все одинаково: зелененький, много глаз, много рук, рожки и т. д. «Позвольте,— говорю я,— но вы же лепите своего марсианина из земного материала. Нет, вы найдите что-то эдакое, чего на Земле не существует. Какой-нибудь цвет, которого нет на Земле». Вот таким образом можно представить, как сложно что-то придумать, если оторваться от Земли.

В человеке меня интересует человеческое, неважно, кто он по профессии и сколько он зарабатывает. Но человеческое должно быть в нем заслуженным эпитетом. Разумеется, его политические убеждения мне не безразличны, и мне больше по душе люди левых убеждений, чем правых. Но даже политическая зрелость еще не предопределяет человеческие качества, за которые хочется уважать. Я знаю католического священника, члена коммунистической партии. У него сложное положение с философской точки зрения. Рай должен быть на Земле, а не на небе. Но на

Известный французский писатель Пьер Гамарра участвовал в работе международного форума «За безъядерный мир, за выживание человечества», а до этого — в международной конференции «Дети. Развитие. Мир», проходившей в Ереване. Беседы с писателем нашего корреспондента С. КОЗИЦКОГО легли в основу публикуемой статьи.

Земле в ходу борьба за собственное благополучие ценой благополучия других, которую называют «борьбой за жизнь». И многие считают — так и нужно, нужно вырвать у ближнего кусок хлеба, чтобы съесть его самому. Так вот, этот священник сказал мне фразу, после которой я стал относиться к нему с бо́льшим уважением. Он сказал, что даже в мире животных не жестокая борьба является главным условием выживания, а объединение, совместные действия. Вы только вслушайтесь в словосочетание: «Борьба за жизнь»! Сегодня я, сильный, задавлю того, кто слаб, завтра меня, слабого, раздавит тот, кто сильнее. Это же всеобщее небытие. Софизм самоубийцы.

...Я не люблю людей эстетствующих, тех, кто выживает из всей культуры пять-шесть «изюминок». Культура безгранична. Но, если бы мне пришлось выбирать «большие» книги, я бы отнес к ним «Маленького принца» Сент-Экзюпери. Эта книга большая и хорошая. Впрочем, выбирать книгу так же неумно, как выбирать, какая страна лучше. По причинам совершенно личным я люблю вспоминать свою первую поездку в Испанию, точнее, в ту ее часть, которая лежит в Пиренеях, в северную Испанию. Но Испания такая же страна, как все другие. Поэтому меня удивляют вопросы, которые — с вариациями — звучат приблизительно так: если бы человечество могло запомнить из всех моих произведений только одну фразу, что бы я написал? Я понимаю, что такой выбор чего-то единственного всегда игра, но я не считаю, что достаточно одной фразы в голове. Я, конечно, могу придумать такую строчку, но за ней потянется вторая, третья. И отлично! Сколько прекрасных мыслей у нас у каждого! Хотя стоп. Мое «конечно, могу» — демагогия. Я когда-то объяснял своим внукам, что у меня очень трудная работа. Так вот, их больше всего заинтересовало, как у меня получается писать без ошибок. Нет, получается с ошибками. Но я умею их исправлять. А потом начинаю сначала. Потом рву. Потом стыжусь всего, что написал. А потом мне написанное жутко нравится. Как у ребят горели глаза! Они вдруг обнаружили, что мы коллеги. Они знают, как трудно писать, что такое сажать ошибки.

Я никогда не рассказываю, как я стал писателем. Не знаю. Но если бы все хотели стать, скажем, пекарями, жизнь была бы невыносимой, хотя это было бы еще ничего по сравнению с тем, если бы все были писателями. Другое дело, когда бы все были настоящими писателями, ну хотя бы в душе. Ведь писатель в любом случае за мир, он не может быть за что-то другое. Он пишет не учебники истории, где дат «великих» сражений больше, чем дат мира. Те учебники истории приучают нас к холодному взгляду на жизнь.

Конечно, нельзя сказать писателю: развивай, мол, прогрессивные демократические традиции. Живет внутри литературы стремление к лучшему, и все. Кое-кто говорит, что Гюго и Барбюс устарели, а посмотрите на читающее человечество, оно живет тем, что ему дали и эти старики. Естественно, понимайте это без упрощений. Просто хотелось бы, чтобы человек, взявшийся писать книгу, был существом человеческим в высшей степени. И такие понятия, как свобода, равенство, справедливость, крепко сидели у него в голове.

Когда молодой человек не может понять, что такое война,— это нормально. Всем своим существом он отрицает ее ужас. Но порою, со временем, кое-кто из молодых начинает считать, что война вроде не такой и ужас. Похождения и приключения. Нет же, она не роман о благородных рыцарях, а самое нерыцарское в жизни.

Мир — отсутствие войны, хитренькое утверждение. Когда заключается перемирие, тоже можно сказать, что наступил мир. А война никуда не делась. И когда провозглашается первый день мира, мертвые в тот же миг не воскресают, не поднимаются здания из руин. Это я говорю о конце войны. Но война — это спрут: жертвы в прошлом и жестокость в настоящем. Сильнее всего меня мучает то, что жестокость нашей жизни убеждает родителей: если не говорить с детьми о жестокости, то потом, столкнувшись с ней, те окажутся безоружными. Так ли это? Ведь зло порождает зло. С кулаками должно быть добро, а жестокость бессмысленна и, главное, лжива, как кадр из трюкового фильма. Так недалеко до того, что и война станет ассоциироваться с д'Артаньяном и тремя мушкетерами, а подлость — с благородством.

Понятно, что молодежь не любит, когда ей читают мораль. Но все же будущим поколениям кое-что стоит сказать. Может быть, настоящая педагогика состоит в том, чтобы сказать: посмотри и не делай, как я. Хорошо, чтобы у молодого человека был критический образ мыслей, но только обязательно ради продвижения вперед. И я считаю, что Учитель только тот, кто найдет в себе смелость признаться: если хочешь идти моим путем, не ходи по моим стопам. Смотри на прошлое критически. Старайся не повторять наших глупостей. Впрочем, знай, избежав чужих ошибок, ты наделаешь свои. Вот здесь будь осторожен. Просто механически не повторять так же легко, как и повторять. Не ошибиться самому невероятно сложно. А поэтому, думая о прошлом, думай о будущем. Сами-то мы о нем думаем не так часто, как надо бы. Мы даже не можем представить, какие колоссальные изменения может принести с собой мир. Можно привести такой детский пример: представьте, Людовик XIV выходит из Версальского дворца и встречает вас, современного человека, а вы берете его за руку и ведете в кино. И какое у Людовика XIV будет выражение лица! Мы же боимся оказаться в положении ошарашенного Людовика, представить, каким будет мир без войны через двести, триста

лет, и сверить себя с его идеалами. А ведь это одна из составляющих нового героизма, героизма нашего мирного времени — как можно дальше заглянуть в будущее, научиться этому и не бояться. Если бы вот так смотреть на нашу жизнь, она бы изменилась. Думать о будущем — самый простой способ не делать ошибок в настоящем.

Мы начали с того, что молодого человека в первую очередь интересует время. Как долго? Когда? Скорее бы! Если бы знать, когда человек становится взрослым. Однажды я был на заседании издателей литературы для детей. Ужас! Никто не знает, что такое ребенок. Знают: он слаб. Но ведь эта слабость — то, что быстро станет его силой. Невероятная эволюция! Знают: он тот, у кого нет прав взрослого. Но он хочет их иметь, только ему приходится ждать.

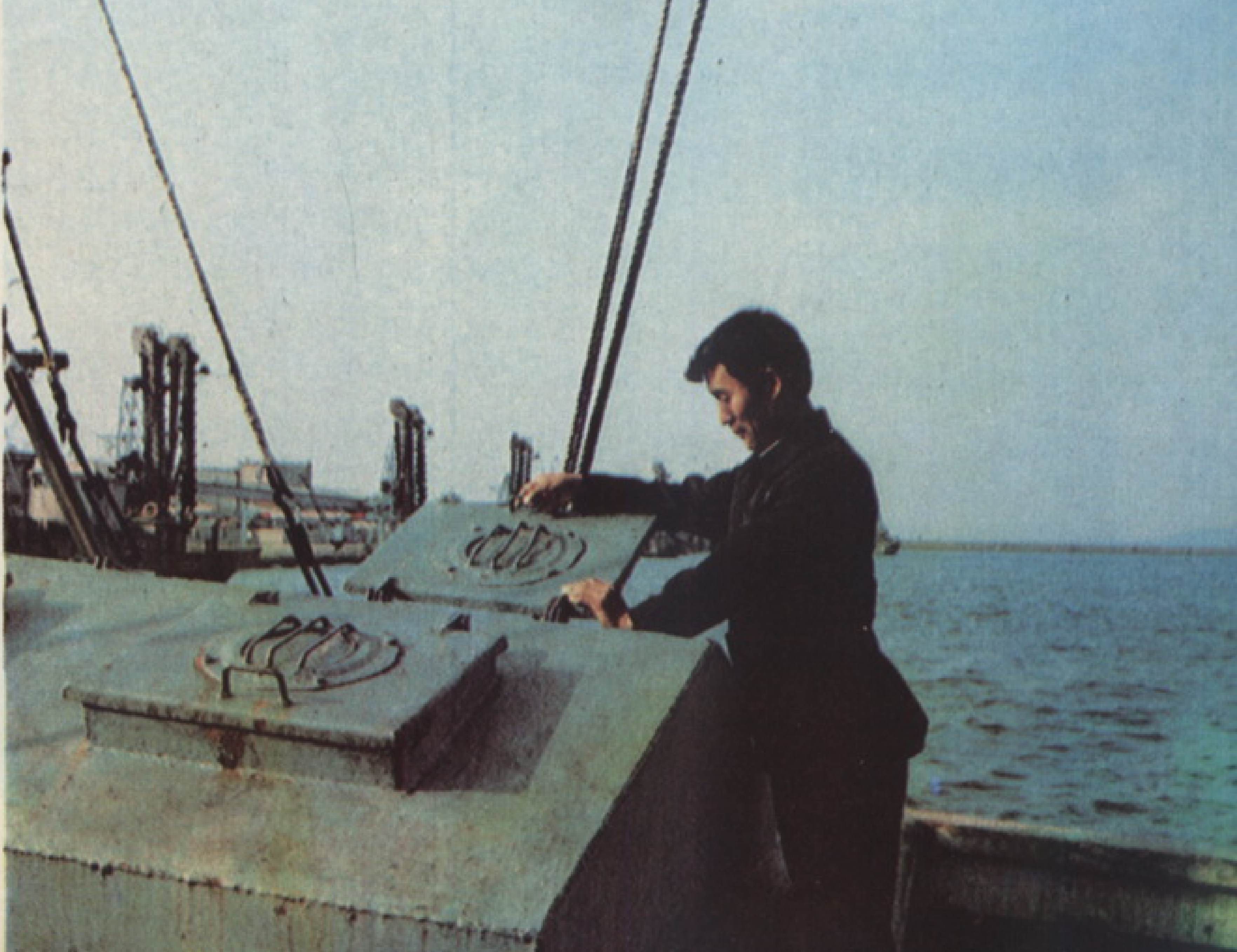
Нет детей, молодых, взрослых, стариков. У человека есть три возраста: физический, умственный и чувственный. Такая ось координат. Я родился 10 июля 1919 года. Кому нужна такая точность, кроме юристов?

Как становятся взрослым? Обретая независимость от родителей? Отчасти. Став мужем, женой? Отчасти. Осознав ответственность за себя и за других? Да, но только ответственность за себя приходит прежде, чем за других. И тут нет готовых формул. Юрист может превратить людей в цифру. Я не могу обращаться к абстрактному 17-летнему. Я пробовал так писать, для конкретного возраста. Плохо получилось. Они боятся, когда в них тыкают пальцем: «Ты, два шага вперед!» У них чувствительная кожа. Но уважение к молодежи не должно быть демагогией. Я не могу, не имею права не научить ребенка, что надо чистить зубы и мыть руки, что идти своим путем, но босиком опасно, можно простудиться и не дойти, что для того, чтобы стать первым, нужно учиться. И уважение к индивидуальности означает говорить обо всем, о жизни и о смерти, даже с самым малолетним человеком. Как со взрослым, только с большей ответственностью, потому что вы сейчас забудете, что я вам тут говорю, но вдруг вспомните через пятьдесят лет. Я иногда боюсь этого. Такая ответственность! А такую ее нужно бояться. Ведь если честно, то, общаясь с детьми, молодежью, об ответственности хочется забыть. Чтобы не дрожали руки, чтобы говорить на равных. А профессионалы, те научились ничего не бояться. Но ничего не бояться, наверное, тоже глупо. Только глупостью и можно развратить молодежь.

СМОТРИТЕ: КНДР, СТРАНА XIII ВСЕМИРНОГО ФЕСТИВАЛЯ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ

Перед вами, читатель, молодое поколение страны — хозяйки XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Пхеньяне — Корейской Народно-Демократической Республики. Это поколение и его авангард — Союз социалистической трудовой молодежи Кореи (ССТМК) взрослеет в стране, где победа социализма законодательно закреплена в Социалистической конституции КНДР. Молодежь страны — хозяйки фестиваля уже начала подготовку к Всемирному форуму юности. Как говорил на 1-м заседании Международного подготовительного комитета XIII Всемирного председатель ЦК ССТМК Цой Рён Хэ, Пхеньянский форум открыт для демократического диалога всех, кто заинтересован в поступательном развитии фестивального движения, кто выступает в защиту мира и безопасности.

Фото В. УСТИНЮКА



ОБЩИЕ ИДЕАЛЫ И ЦЕЛИ

Интервью заведующего Отделом ЦК ВЛКСМ Анатолия УСОВА корреспонденту «Ровесника» Я. БОРОВОМУ

— В наше время, как подчеркивалось на XXVII съезде КПСС, прогресс справедливо отождествляется с социализмом. И закономерно, что на XX съезде ВЛКСМ, в работе которого приняли участие делегации молодежных союзов социалистических стран, обсуждались вопросы расширения, совершенствования и повышения эффективности связей Ленинского комсомола с братскими организациями. Поэтому в начале нашей беседы хотелось бы попросить вас кратко остановиться на принципах и основных направлениях этого сотрудничества.

— Содержание и характер сотрудничества ВЛКСМ с братскими союзами молодежи определяются сегодня задачами, сформулированными на XXVII съезде КПСС и зафиксированными в принятых на съезде программных документах. Наше сотрудничество базируется на общности коммунистических убеждений и развивается на принципах равноправия и социалистического интернационализма.

Молодежь стран социализма вносит достойный вклад в созидательную деятельность партий и народов своих стран, в укрепление мира и безопасности, дальнейшее развитие социального прогресса.

Молодое поколение, выросшее в социалистическом обществе, все активнее проявляет себя во всех сферах жизни. Сегодня это не только самый крупный по численности отряд прогрессивного международного молодежного движения, но и самый боевой, опытный авангард юных сил планеты, борющихся за мир и социальный прогресс.

Ленинский комсомол последовательно добивается укрепления дружбы, единства и сплоченности молодого поколения стран социализма, стремится удовлетворить растущий интерес молодежных организаций к опыту

ВЛКСМ по формированию научного мировоззрения, воспитанию юношей и девушек в духе коммунистической морали, мобилизации на активное участие в хозяйственном и культурном строительстве, внимательно изучает опыт братских союзов молодежи в этих областях.

— Пожалуйста, расскажите читателям о наиболее важных аспектах сотрудничества.

— Ключевой вопрос современности — ускорение социально-экономического развития на основе научно-технического прогресса. Такая революционная задача требует объединения усилий социалистических государств, более тесного и эффективного взаимодействия их производственного и научно-технического потенциала. На это нацелена Комплексная программа научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 года.

Молодежь наших стран всегда бралась за решение наиболее трудных, жизненно важных проблем. В этом проявляется ее гражданская и классовая сознательность. Она была и остается одним из главных отрядов в реализации Комплексной программы социалистической экономической интеграции, других долгосрочных целевых программ СЭВ. Достаточно вспомнить участие интернациональных молодежных коллективов в сооружении крупнейших совместных объектов СЭВ — магистральных газопроводов, Усть-Илимского лесопромышленного комплекса, энергетических и горнодобывающих предприятий, совместных паромных переправ и т. д.

Сегодняшние задачи вызывают необходимость качественно нового подхода к взаимодействию наших стран. Речь идет о перерастании сотрудничества в сфере науки и техники в технологическую интеграцию, которая должна развиваться на базе согласованной или единой научно-технической политики. Таково требование времени.

Ленинский комсомол, братские союзы определили свое место и роль в дальнейшем развитии социалистической экономической интеграции. В конце апреля прошлого года в Москве была подписана программа «Содружество», которая предусматривает активное участие молодежи в реализации научно-технической и экономической программ СЭВ.

Подписание этой программы открывает новый этап в многостороннем сотрудничестве братских союзов, поднимает на качественно новый уровень нашу совместную работу по трудовому, идейно-политическому, интернациональному воспитанию молодого поколения социализма, ставит на долгосрочную основу деятельность молодежных организаций по повышению роли и практического вклада молодых в укрепление экономического, научно-технического и оборонного потенциала социалистического мира.

Что же собой представляет программа «Содружество»? Можно определить ее так: это программа СЭВ для молодежи. В ее основе лежали решения Экономического совещания стран — членов СЭВ на высшем уровне в Москве, определившего приоритетные направления экономического и научно-технического сотрудничества. Эти направления нашли свое отражение в специальных целевых программах «Содружества».

В области электронизации народного хозяйства предполагается осуществление целевой программы «Электроника». Она включает в себя участие молодежи в создании суперЭВМ нового поколения, массовых средств вычислительной техники, нового поколения спутниковых систем связи и телевизионного вещания, высококачественного цифрового телевидения и стереофонического радиовещания, обеспечение всеобщей компьютерной грамотности молодежи.

Программа «Робот» нацеливает молодых на участие в создании промышленных роботов, гибких автоматизированных производств, систем автоматизированного проектирования. Союзы молодежи будут добиваться сокращения сроков между разработкой и внедрением робототехники, ее более эффективного использования.

Ускорению развития атомной энергетики должна способствовать программа «Мирный атом». Молодежь возьмет шефство над сооружением атомных электростанций и магистральных линий электропередачи, созданием новых эффективных методов транспортировки и захоронения радиоактивных отходов, ликвидации отработавших нормативный срок энергетических установок. Молодые ученые-атомники примут участие в проведении исследований для создания научных основ нового источника энергии — управляемого термоядерного синтеза.

Вклад молодежи в ускорение развития ведущих отраслей машиностроения стимулирует программа «Прогресс».

В рамках программы «Жизнь» молодые исследователи будут участвовать в разработке новых биологически активных веществ и лекарственных препаратов для медицины, микробиологических средств защиты растений, новых сортов и гибридов сельскохозяйственных растений. Эта программа предполагает развитие движения молодежи в защиту окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов.

Комплексная программа «Содружество» включает в себя еще несколько целевых программ: развитие энергетики — «Факел», транспортных связей — «Транспорт», производства

товаров народного потребления — «Комфорт».

Даже простое перечисление основных позиций программ «Содружества» дает наглядное представление о масштабах перестройки совместной работы, направленной на повышение роли молодежи в ускорении социально-экономического развития наших стран.

Сейчас разрабатываются двусторонние соглашения, которые с учетом специфики каждой страны и каждого союза молодежи позволят конкретизировать направления, объем и формы сотрудничества.

— Реализация таких комплексных многосторонних программ, очевидно, открывает хорошие возможности для пополнения общей копилки опыта!

— Чем сложнее и ответственнее задачи ставит перед нами жизнь, тем ценнее и полезнее для нас опыт друзей из социалистических стран. Опыт Ленинского комсомола внимательно изучается и активно используется в деятельности братских союзов молодежи. Но и нам есть чему поучиться у наших товарищей. Это касается идейно-политического, трудового, нравственного, патриотического и интернационального воспитания молодежи.

Интересно, например, в форме референдума проходит обсуждение важнейших молодежных документов, в том числе предсъездовских, в ВНР, ГДР, на Кубе.

Союз социалистической польской молодежи целенаправленно ведет работу по расширению самостоятельности первичных организаций.

Активно и плодотворно сотрудничают с государственными и общественными организациями Венгерский коммунистический союз молодежи, Союз свободной немецкой молодежи, польские союзы молодежи и студентов.

В некоторых странах крупные акции братских союзов превращаются в широкие движения — самодеятельное техническое творчество, авторская песня, охрана окружающей среды и памятников истории,— которые дают возможность в новых формах реализовать социальную активность молодых. Это во многом помогает и работе с любительскими объединениями молодежи.

Немало полезного опыта дает участие организаций молодых в социально-экономическом развитии своих стран. Димитровский комсомол, например, взял шефство над стратегическими направлениями научно-технического прогресса: микроэлектроникой, роботизацией, биотехнологией, широ-

---

На снимке: интернациональный студенческий отряд «Факел» на сборе урожая в молдавском совхозе.

Фото В. КРОХИНА

ким обучением молодежи работе с электронно-вычислительной техникой.

Для развития и поощрения инициативы молодых в области дальнейшего подъема экономики в ГДР создан «Счет молодых специалистов», этот фонд включает финансовые средства, заработанные молодежью дополнительно к плану или в результате каких-либо инициатив.

Обращает на себя внимание деятельность венгерского комсомола по повышению роли молодых специалистов в сельском хозяйстве. При комитетах ВКСМ созданы советы молодых специалистов сельского хозяйства, которые обобщают передовой опыт, изучают положение дел в отстающих хозяйствах и вырабатывают конкретные рекомендации, как исправить положение.

Внимательно изучается опыт братских организаций по идейно-политическому, патриотическому, нравственному, эстетическому, экологическому воспитанию молодежи.

В Чехословакии, например, под эгидой Союза социалистической молодежи и журнала «Млади свет» уже много лет проводится операция «Бронтозаврус», которая превратилась в общенациональное движение молодых чехов и словаков по охране окружающей среды и сохранению исторических памятников.

Союз коммунистической молодежи Румынии проводит национальные художественные выставки молодых творцов, а в летнее время организует лагеря творческой молодежи. Каждая уездная и муниципальная организация располагает собственным культурно-спортивным комплексом, который, как правило, построен руками юношей и девушек и служит базой для организации свободного времени молодежи.

В ГДР центром организации свободного времени стали молодежные клубы. Сейчас их в стране более 95 тысяч.

Молодежные союзы ГДР, ЧССР, СФРЮ оказывают заметное влияние на выпуск модной одежды для юношества. Их представители входят в художественные советы швейных предприятий и добиваются того, чтобы в производство шли наиболее модные и перспективные модели.

Интересные формы работы с молодежью используют братские союзы во Вьетнаме, КНДР, Лаосе, Монголии.

Следует отметить, что опыт молодежных организаций социалистических стран активно использовался при подготовке XX съезда ВЛКСМ.

— Сейчас все большее значение придается живому общению людей разных профессий, разных поколений из социалистических стран. «Это,— подчеркивалось на XXVII съезде КПСС,— источник взаимного духовного обогащения, канал обмена мыслями, идеями, опытом социалистического строительства». Как Ленинский комсомол и братские союзы молодежи способствуют расширению такого живого общения юношей и девушек наших стран?

— Прежде всего развивая местные дружественные связи. Это главный канал живого общения молодых людей наших стран и одно из основных направлений международной деятельности комсомола, которое дает возможность вовлекать в непосредственное сотрудничество сотни тысяч юношей и девушек, обеспечивает широкую основу для проведения важнейших многосторонних акций, в частности, таких, как программа «Содружество», «Эстафета Октября». Местные связи вошли в нашу жизнь и стали одной из норм социалистического образа жизни, школой интернационализма, сочетающей в себе массовость и возможность индивидуальной работы.

В качестве примера можно привести прямые дружественные связи Закарпатской областной комсомольской организации с молодежными организациями Саболч-Сатмарской области Венгрии, Восточно-Словацкого края Чехословакии и Сату-Марского уезда Румынии. Непосредственную связь со своими побратимами поддерживают 13 райкомов и горкомов комсомола, 311 первичных комсомольских организаций. Это дает возможность ежегодно встречаться почти 7 тысячам сверстников из братских стран — участвовать в манифестациях, слетах юных интернационалистов, встречах девушек-сельчанок, антивоенных митингах.

Местные связи — это и деловые, профессиональные контакты молодых людей, это и интернациональное социалистическое соревнование молодых рабочих, специалистов, колхозников. Насколько плодотворны эти контакты, можно судить по такому примеру. Молодые специалисты Мукачевского станкостроительного завода имени С. М. Кирова и объединения «Вуков» из города Прешова объединились в советско-чехословацкое молодежное конструкторское бюро и создали роботокомплекс, который завоевал золотую медаль на прошлогодней (1986 года) международной ярмарке в Брно. В этом году начнется серийный выпуск этого роботокомплекса.

Кстати, возвращаясь к вопросу об изучении опыта сотрудничества, следует отметить, что работа Закарпатского обкома комсомола по развитию местных дружественных связей с молодежными организациями Венгрии, Чехословакии и Румынии обсуждалась на заседании Бюро ЦК ВЛКСМ. С опытом закарпатцев ознакомлены все республиканские, краевые и областные комсомольские организации.

— 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции — важнейшее политическое событие нынешнего года. Как откликнется на него молодежь социалистических стран?

— В ноябре прошлого года в Москве в Музее Революции СССР был дан старт «Эстафете Октября» — международной патриотической акции молодежи, посвященной юбилею Октября и знаменательным датам в жизни братских стран. Из рук ветеранов революции представители братских союзов получили памятные вымпелы и священную землю Марсова поля Ленинграда — первого мемориала героям Октябрьской революции.

Эти священные реликвии будут передаваться из одной организации в другую, юноши и девушки пронесут их революционными маршрутами своих стран. Их путь будет отмечен ударными трудовыми вахтами, встречами с ветеранами борьбы за установление народной власти, изучением героических страниц революционного прошлого, акциями солидарности с народами, отстаивающими свои революционные завоевания. Посланцы молодежи братских стран примут участие в заключительных мероприятиях эстафеты у нас, на родине Октября.

Активная работа навстречу 70-летию Октябрьской революции будет способствовать воспитанию революционной преемственности, ответственности современного поколения молодежи за судьбы социализма.

— Вопрос войны и мира сегодня превратился в вопрос продолжения жизни цивилизации. Каков вклад молодежи социалистических стран в борьбу за мир?

— КПСС и братские коммунистические и рабочие партии активно и последовательно борются за устранение угрозы ядерной войны, за разоружение, за обеспечение мирных условий для развития и совершенствования социализма в наших странах. Естественно, что молодежь активно поддерживает такую миролюбивую политику. Также естественно, что юноши и девушки наших стран идут в авангарде борцов за мир, а братские союзы играют важную роль в прогрессивном международном молодежном движении.

Они стояли у истоков международного фестивального движения, которое имеет ярко выраженный антивоенный характер. Юноши и девушки наших стран активно поддержали инициативу корейских товарищей о проведении XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Пхеньяне, а Ленинский комсомол сделал все, чтобы 1-е заседание Международного подготовительного комитета в Москве прошло успешно.

Сейчас братские союзы молодежи вместе с прогрессивными юношескими организациями стран Запада и «третьего мира» направляют свои усилия на то, чтобы прозвучавший с трибуны XII Ассамблеи Всемирной федерации демократической молодежи призыв о создании антиядерной коалиции молодежи стал реальностью.

Это будет еще одним шагом к тому, чтобы мечта о мире без войн стала реальностью в грядущем XXI веке.

★ 1917-1987

КАКИЕ МЫ?

ВЧЕРА. СЕГОДНЯ. ЗАВТРА

НА ШТУРМ XXI ВЕКА

Мигел Урбану РОДРИГЕС,
португальский журналист

В 1986 году я дважды побывал в Советском Союзе. И всякий раз чувствовал огромное эмоциональное воздействие того общенародного обсуждения стоящих перед советским обществом задач, которое началось после апрельского Пленума ЦК КПСС (1985 года) и с особой глубиной отразилось в решениях XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. На меня произвели впечатление не столько изменения в повседневной жизни людей, сколько движение самой жизни: новый стиль руководства начал проявляться в людях, в их повседневных поступках.

Я вполне допускаю, что мои впечатления от посещения страны, которая двинулась на штурм XXI века, руководствуясь программой всемирного значения, не всегда полны, объемны и безошибочны. Поэтому то, что я пишу, прошу рассматривать не как статью, а просто как путевые наблюдения.

На Западе плохо понимают, что же на самом деле происходит в СССР. Советские люди всего лишь за несколько десятилетий прошли путь от почти поголовной неграмотности до завоевания космоса, от феодализма к передовой науке. Критические высказывания, а порой даже и восхваления перемен, рожденных социализмом, на страницах буржуазной североамериканской и европейской прессы раскрывают, часто даже независимо от намерений авторов этих восхвалений и критики, полное непонимание ими этой страны. И как же мелко мыслят те, кто в антикоммунистическом «крестовом походе» пытаются «оторвать» Октябрьскую революцию от земли, на которой она свершилась, от людей, которые на ней живут. Эти «крестоносцы» не могут понять, что самые трудные проблемы не пугают советских людей. Нередко то, что на взгляд «кремленологов» кажется недостижимым, для советских людей находится на расстоянии протянутой руки. Это неоднократно подтверждалось историей социализма.

ПЕРЕСТРОЙКА И РЕВОЛЮЦИЯ. Коммунистическая партия и Советское правительство сделали выбор в пользу вступления страны в качественно новый этап ее социального и экономического развития и назвали этот этап перестройкой. Но слова «перестройка», видимо, недостаточно для того, чтобы дать определение стратегии, предусматривающей среди других целей удвоение валового национального продукта в ближайшие пятнадцать лет, что выведет СССР на передовые позиции среди

Материал был опубликован в газете «Диариу» (Португалия) 18 сентября 1986 года.

развитых стран. И речь идет не только об экономике. Предусмотрены преобразования во всех областях человеческой жизни, в стиле и методах работы партии и ее кадров. В своей речи в Хабаровске, обращенной к членам партии, Михаил Горбачев говорил о равенстве понятий «перестройка» и «революция». «Наши преобразования, реформы, намеченные в решениях апрельского Пленума Центрального Комитета партии и XXVII съезда КПСС,— это настоящая революция во всей системе отношений в обществе, в умах и сердцах людей, психологии и понимании современного периода и прежде всего задач, порожденных бурным научно-техническим прогрессом».

Цели перестройки столь велики, что было бы наивно и даже опасно думать, что за недолгое время уже удалось сделать значительный шаг в ускорении социально-экономического развития.

Мало найдется в СССР тех, кто хочет жить по-старому, кто примиряется с методами и положением, тормозящими развитие, ведущими к инертности и застою. Но сопротивление преобразованиям, иногда неосознанное, естественно и неизбежно. На том конкретном историческом этапе, который переживает советское общество, главное еще впереди.

В западных странах буржуазные «кремленологи» потирали руки от радости, когда на XXVII съезде КПСС были вскрыты совершенные ошибки, затрудняющие развитие и наносящие ущерб образу СССР в мире. Они не поинтересовались при этом даже тем, почему столь небольшое внимание было обращено на съезде на достигнутые успехи и столь исчерпывающей была критика недостатков. Им просто не пришло в голову, как говорил Родней Арисменди, что в любом капиталистическом государстве было бы просто невозможно собрать на столь высоком форуме весь цвет страны с тем, чтобы подвергнуть безжалостной критике имеющиеся недостатки.

МНЕНИЯ. Я беседовал с партийными и государственными руководителями Армении и Азербайджана. Мнения и суждения, которые мне довелось услышать, были разнообразны. Но в основном все делали упор на региональные задачи, вызванные к жизни стратегией ускорения. Мои вопросы не ставили их в трудное положение. По моему настоянию они углублялись в детали и примеры, которые позволяли лучше понять проблемы технических усовершенствований и повышения производительности труда.

Тема модернизации неисчерпаема. Она переходит со страниц газет в повседневную жизнь советских людей. Им трудно понять, как случилось, что СССР отстал в некоторых областях. Они знают, что их страна обладает самым высоким уровнем образования в мире, здесь больше всего специалистов с университетскими дипломами. Советская наука находится на передовых рубежах. Изобретения и открытия советских ученых немедленно находят применение в исследованиях космического пространства и отраслях промышленности, жизненно важных для обороны.

Но когда речь заходит о применении этих открытий и превращении новых технологий в инструмент экономического и социального прогресса, положение оставляет желать лучшего. Механизм внедрения в широкую практику открытий и изобретений часто действует слишком медленно. Бюрократизм, инертность, боязнь инициативы порой препятствуют осуществлению прогрессивных преобразований.

Не раз темой моих бесед был вопрос о корнях застоя и пассивности, которые были подвергнуты суровой критике руководителями КПСС. На Северном Кавказе мой собеседник связал многие из вышеупомянутых недостатков со стабильностью советского общества. «У нас нет безработицы. Люди не боятся за свое будущее. Рутина со всеми ее последствиями порой существует из-за чувства уверенности. Большой заслугой решений XXVII съезда является психологическая встряска. Она вернула активность многим из тех, кто позволил себе надолго задремать. Есть и такие, кто сопротивляется, кому просто трудно приспособиться к новому. Человеку свойственно успокаиваться достигнутым. Революционное содержание проводимых сейчас преобразований беспокоит многих не по идеологическим мотивам, но потому, что оно требует от них бóльшей отдачи, готовности к борьбе и соответствующей потере привилегии быть вне критики».

Плохое функционирование службы быта, особенно тех ее сфер, которые вступают в прямой контакт с людьми,— сегодня обязательная тема в беседах с иностранными друзьями.

СССР производит современные компьютеры. Научный уровень его электронной промышленности высок. Однако применение информатики в жизни пока весьма незначительно. Микрокалькуляторы дороги и мало используются. В магазинах и торговых центрах редко можно увидеть кассовые аппараты с электронной памятью. Всего в одном-единственном отеле я видел терминал ЭВМ. В большинстве торговых предприятий поражает не недостаток обслуживающего персонала (во многих случаях его больше, чем надо), а архаичная система организации торговли и контроля.

Сейчас в Советском Союзе речь идет не только о количестве продуктов и товаров, но и об их качестве. Не раз во время посещений колхозных рынков, где приехавшие издалека крестьяне продают плоды, выращенные на своих приусадебных участках, меня впечатляли тамошние высокие цены. Мне объясняли: покупатели всегда, когда имели средства, предпочитали платить больше за свежее мясо, фрукты, овощи, чем покупать в государственных магазинах по официальным и более низким ценам продукты, утерявшие качество за время долгого пути от поля до прилавка.

Летом, там, где я побывал, я видел непривычные сцены. В Москве, Краснодаре, в городах Грузии, Армении, Азербайджана на улицах и площадях появились огромные грузовики, нагруженные фруктами, своеобразные передвижные магазины. Это колхозы и совхозы продавали непосредственно потребителям часть скоропортящихся продуктов.

В Сочи и Баку я говорил с колхозниками, которые продавали персики, дыни, виноград, арбузы. Они были довольны, довольны были и покупатели, потому что цены на эти продукты были значительно ниже рыночных.

Подобные вещи могут показаться в Лиссабоне незначительными, но в СССР они воспринимаются как симптомы нового стиля. Они вызывают споры на страницах газет, о них пишут в своих письмах читатели. И в то же время они способствуют углублению дискуссии о неудовлетворительной работе торговли и службы быта.

Старый вопрос о стимулах — моральных и материальных — обрел новую актуальность. И новизна в том, что не просто говорят, но и ищут способы стимулирования. В этом свете следует рассматривать диалог вокруг коллективного и индивидуального труда, который отражает критический взгляд на действительность. Эти формы труда неотделимы на практике от проблемы материально-технической базы, развития социалистических отношений, глубоких изменений в отношении человека к труду, преодоления вековых недостатков человеческого характера.

Михаил Горбачев выразил суть проводимых изменений, заявив во время своей поездки на советский Дальний Восток, что перестройку надо начинать «каждому с самого себя, с определения своей гражданской позиции... с усиления ответственности за порученное дело...». И также напомнил: «...каждому надо не кивать куда-то вверх, или вниз, или в сторону — вправо, влево. Надо задать прежде всего себе вопрос, поставить прежде всего перед собой задачу — все делать по совести, с большой ответственностью перед самим собой и перед народом».

Противники СССР занимают теперь двойственную позицию к тому, что происходит в стране. Их беспокоят политические и экономические последствия стратегии ускоренного развития. Им не нравится, что многие на Западе

извлекут из происходящего урок: увидят, что на деле значит социалистическая демократия, увидят ее способность черпать силы из своих истоков, ее углубление. Но в то же время западные правительства и средства массовой информации стремятся извлечь максимальную выгоду для себя из общенародной дискуссии, которая проходит в Советском Союзе. Они надеются нажить пропагандистский капитал на критике в адрес высокопоставленных руководителей, на замене тех из них, кто не справляется с работой, на вскрытии совершенных ошибок, на настойчивости, с которой внимание страны привлекается к непростительным недостаткам. Конечно, империализм и в первую очередь его пропагандистская машина используют из всего того, о чем говорится в СССР, лишь выгодное им. Они создают темную, тщательно смонтированную панораму Советского Союза, стремясь изо всех сил создать в массовом сознании на Западе образ страны отсталой, неспокойной, лишенной уверенности в будущем, управляемой могущественной бюрократией, не способной приспособиться к современному миру. Такая картинка может впечатлить тех, кто не знает СССР. Но она лжива, она намеренно и грубо извращает действительность. Семьдесят лет социалистического развития превратили СССР, его народ в общество, стоящее гораздо ближе к назначению и потребностям человека как такового, чем любое западное общество, смоделированное капитализмом.

Мелкий буржуа из Лиссабона или Порту, ежедневно потребляющий лошадиные дозы идеологического яда, испускаемого правой прессой Португалии, с трудом может понять, что на деле значит спокойствие за будущее и отсутствие постоянной напряженности в жизни страны, где нет безработицы, где общественный транспорт по цене доступен всем, где квартирная плата составляет незначительную часть дохода, электричество и газ чрезвычайно дешевы. Ему этого не понять, потому что с такой жизнью он незнаком.

В нашей Португалии, где власть награждает своих слуг за коррупцию, правая печать (и не только она) использует любую возможность, чтобы очернить СССР всякий раз, когда информационные агентства передают сообщения о судебном процессе в Советской стране над тем или иным руководителем по обвинению в коррупции.

«Как вы поступаете в Португалии в подобной ситуации?» — спросили меня. Я ответил, что, как известно, коммунисты не стоят у власти в Лиссабоне, но посчитал полезным рассказать, что министры и высокопоставленные деятели португальского государства, ответственные за действия, сравнимые с преступлениями находящихся под судом экс-руководителей, пользуются горячей поддержкой премьер-министра всякий раз, когда общественности становятся известны их незаконные деяния.

Было бы хорошо, если бы те, кто кричит об очередях в магазинах крупных советских городов — болезнь, неотделимая от реальных недостатков сферы обслуживания и субъективных факторов, которые сейчас широко обсуждаются и осуждаются,— не забывали бы при этом, что цены на продовольствие в СССР стабильны и государство не жалеет средств, чтобы они не росли.

САЯНОГОРСК. Примером честного подхода советских людей к борьбе взглядов, который произвел на меня большое впечатление, стало обсуждение на страницах газет проблем строительства города Саяногорска в Красноярском крае. В прошлые годы все новые сибирские города воспевались как эпические победы человека. Не был исключением и Саяногорск.

Сейчас в прессе обсуждаются последствия создания города с населением семьдесят тысяч человек и огромного комбината по производству алюминия для жизнедеятельности этого обширного сельскохозяйственного района. Территориально-производственный комплекс, созданный в районе, почти уничтожил местные совхозы. Было ли это необходимо? Сомнительно, потому что стоимость производства продуктов на сельскохозяйственных предприятиях комплекса в два-три раза выше, чем была в ранее существовавших совхозах. Было бы лучше вложить средства в уже существовавшие хозяйства и использовать опыт сибирских крестьян, обрабатывающих эти земли уже более двух веков. Однако контакт между властями нового города и селом не был установлен. Связи между жителями города и сельской местности не сложились. Летом многие горожане могли бы работать в поле; зимой крестьяне, в свою очередь, могли бы частично работать в городе. Факты показывают, что не были должным образом изучены социальные вопросы, связанные с развитием промышленного города в степи, где изоляция естественно отразилась на стиле жизни. Все эти вопросы открыто и резко обсуждались в печати. И подобная деловая откровенность сейчас свойственна советской печати.

«Новый стиль руководства,— сказал мне один из районных секретарей Компартии Армении,— способствует изменению мышления. Люди начинают понимать, что нельзя думать, что государство решит все их проблемы. Раньше была тенденция просить много и давать мало. Неоконченные объекты в гражданском строительстве, отсутствие внимания к внешнему виду многих товаров, низкое качество неотделимы от этой эгоистической позиции прошлого.

Сейчас мы больше не говорим о том, чтобы догнать Запад. Эта идея уже сама по себе ведет к конформизму. Мы превзойдем по качеству продукции Запад еще до конца этого века. Если японцам удается выпускать товары более высокого качества, чем в ФРГ и США, почему бы и нам с нашими ресурсами, с такими же научными знаниями, живущим в политически более прогрессивном обществе, не смочь сделать то, что сумели сделать японцы?»

МОЛОДЕЖЬ. Другой партийный деятель в Азербайджане, отвечая на вопрос об отношении молодежи к осуществляемым реформам, улыбнулся:

«Я скажу вам мое мнение. Всем известно, что молодежь позитивно восприняла дух решений XXVII съезда КПСС. Ей нравится смелость, разрыв с застоем, нововведения. Но многие испытывают недоверие к молодежи. Сурово критикуют ее. Говорят, что это поколение не годится, а вот их действительно было более боевитым, революционным, преданным. Эти пессимисты больше сожалеют об утрате собственной молодости, оставшейся позади, чем о той эпохе, когда они были молодыми.

Однако история доказывает, что они ошибаются. За редким исключением каждое новое поколение лучше предыдущего. Я лично верю, что в Советском Союзе растет замечательное поколение юношей и девушек, лучше, чем мое или моих родителей. Это логика истории, общества, которое мы строим».

Советские люди восхищаются своей историей. Они как никто раскрываются в ней, в ее сложности.

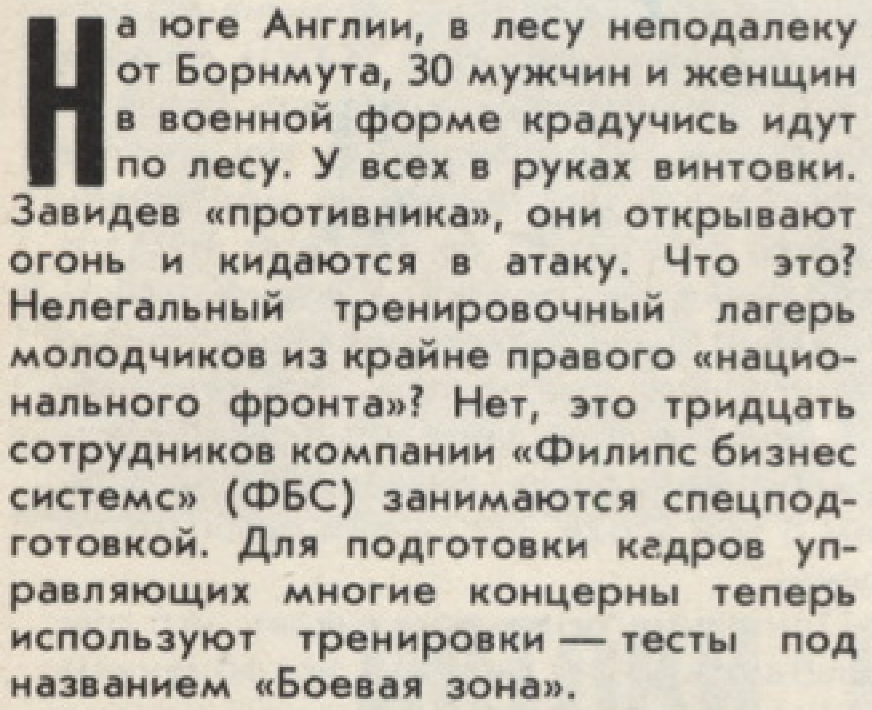
В последний вечер в Москве я впервые почувствовал, что и оперный спектакль может помочь понять характер народа, проявляющийся семьдесят лет спустя после Октябрьской революции в реформах и дискуссиях.

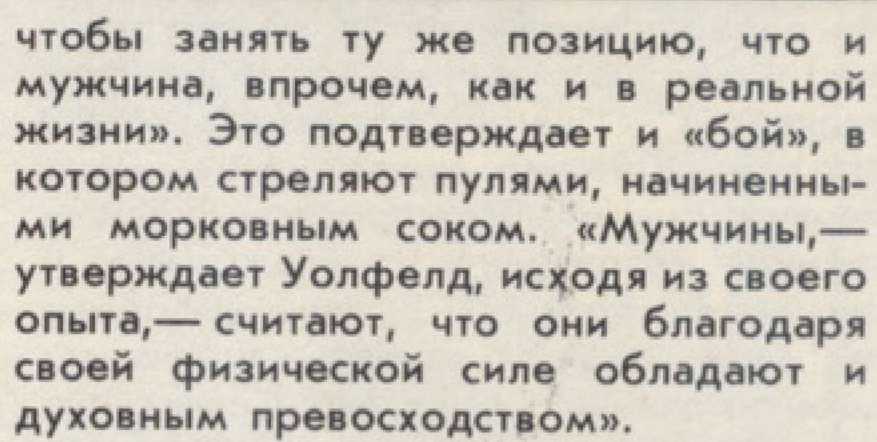
Каждая сцена в опере «Иван Сусанин», которую я слушал в тот вечер,— момент жизни, восстановленной с таким тщанием, что как бы поднимается завеса времени. Разительна пропасть между утонченностью польского двора короля Сигизмунда и темным миром деревни, где живет Иван, миром, основанным на традициях и верности древним принципам. И все-таки Сигизмунд проиграл войну, как и Наполеон два века спустя. Как и «третий рейх», разгромленный русскими. Фашистская армия, которая считалась непобедимой, была сокрушена народом, сила, упорство, вера которого в себя с такой красотой и силой передается в образе Ивана Сусанина. Кто слушает оперу Глинки, чувствует это всей душой.

Такова историческая правда. Опера, которая восстанавливает сцены жизни XVII века, помогает нам глубже задуматься о защите мира и жизни в первой стране, где социализм пустил корни, в стране, проводящей сегодня перестройку в духе принципов и идеалов Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года.

Перевел с португальского
С. ПОЛЯКОВ

СЫНОВЬЯ РЭМБО,





ИЛИ КАК В АНГЛИИ ГОТОВЯТ УДАЧЛИВЫХ БИЗНЕСМЕНОВ

На юге Англии, в лесу неподалеку от Борнмута, 30 мужчин и женщин в военной форме крадучись идут по лесу. У всех в руках винтовки. Завидев «противника», они открывают огонь и кидаются в атаку. Что это? Нелегальный тренировочный лагерь молодчиков из крайне правого «национального фронта»? Нет, это тридцать сотрудников компании «Филипс бизнес системс» (ФБС) занимаются спецподготовкой. Для подготовки кадров управляющих многие концерны теперь используют тренировки — тесты под названием «Боевая зона».

Идея это американская. Впервые в Англии нечто похожее было организовано приверженцами «военного воспитания» два с лишним года назад. И началось это как игра для индивидуалистов и одновременно рынок сбыта для магазина военных принадлежностей Иана Уолфелда, одного из инициаторов затеи. Сам Уолфелд был солдатом в английской армии с 1966 по 1970 год.

Две команды, «красные» и «зеленые», участвуют в военной игре. У каждой команды есть свой лагерь и знамя, которое необходимо защищать. «Солдат» может выпустить только одну пулю, после этого ему приходится перезаряжать оружие. Инструктор Уолфелд подчеркивает, что игра не какая-то дикая забава, «бойцы» вынуждены обдумывать свои действия; крайне важное значение имеют стратегия и командный дух.

Конечно, в лесу неподалеку от Борнмута стреляют не боевыми патронами, а пульками, начиненными морковным соком. Тот, в кого попадает такая пулька, выходит из игры.

Спрос на подобную весьма сомнительную тренировку довольно велик. Ежемесячно в «боевую зону» прибывают 2—3 группы служащих. В первую очередь интерес проявляют компьютерные фирмы; многие предприятия придают определенное значение такой военной игре для подбора персонала. Фирма «Ван компьютер», например, скомбинировала «сражение» в лесу у Борнмута с психоаналитическим обследованием и использовала полученные результаты в качестве основы для перестановок внутри своих подразделений. Для таких «семинаров» организаторы военных игр арендовали расположенный неподалеку отель.

Утром, за несколько часов до начала военной игры, в гостинице собираются 30 прилично одетых мужчин и женщин — десять служащих компании ФБС и 20 продавцов телефонных систем.

«Филипс бизнес системс» устроила конкурс среди своих сотрудников. Двенадцати из них, добившимся лучших результатов, было предложено в качестве награды провести конец недели в загородном отеле.

Инструкторы «боевой зоны» появляются в полном военном обмундировании — для создания должного настроения. Ради этого они не чураются и насилия. С удовольствием Иан Уолфелд рассказывает об одной «особенно удачной» акции: о похищении председателя семинара, в котором участвовало несколько сот человек. В самый разгар собрания, сообщает Уолфелд, участники игры «Боевая зона» ворвались в зал, бросили дымовые шашки и схватили испуганного председателя. Начавшуюся панику использовала другая команда: организовала преследование похитителей и освободила председателя.

Сегодня, к счастью, подобные игры имеют более цивилизованный вид. Сначала участники игры пьют чай, затем каждому вручают полевую форму. Перед дверью гостиницы уже стоят наготове армейские грузовики. В «боевой зоне» два варианта поля боя: небольшой участок в 4,5 гектара и более крупный размером в 11 гектаров. Большинство участников, по их собственным словам, впервые надели военную форму.

В палатках на территории «боевой зоны» помощники распределяют оружие и «боеприпасы». Руководство разъясняет правила игры. Во-первых, никакого физического контакта. Тот, кто дотронется до противника, должен покинуть зону. Во-вторых, постоянно носить защитные очки. По словам Иана Уолфелда, до сих пор практически не было несчастных случаев.

«Бой» продолжается не дольше 40 минут. Каждую группу сопровождает представитель персонала «боевой зоны». Он отвечает за ориентирование на местности и за стратегию. Однако его роль постепенно сходит на нет: ведь цель этой акции в том, чтобы отобрать мужчин и женщин, обладающих качествами руководителей.

Таковыми в суматохе «боя», как правило, оказываются мужчины. «Женщины,— заявляет Иан Уолфелд,— должны действительно обладать гораздо более высокими качествами, чтобы занять ту же позицию, что и мужчина, впрочем, как и в реальной жизни». Это подтверждает и «бой», в котором стреляют пулями, начиненными морковным соком. «Мужчины,— утверждает Уолфелд, исходя из своего опыта,— считают, что они благодаря своей физической силе обладают и духовным превосходством».

Каждой такой игре предшествует тактическое совещание. Все выглядит очень реально. Задача поглощает всех полностью. «Десять, девять, восемь, семь... три, два, один. Пошли!» Каждый исполняет отведенную ему роль.

Питер Барроус из персонала «боевой зоны», главный стратег «зеленых», осторожно продвигается к лагерю противника. «В ходе игры очень важно внимательно прислушиваться и приглядываться»,— говорит он. Питер очень серьезно воспринимает свою задачу, настораживается всякий раз, когда слышит где-нибудь хруст веток. Неожиданно он стрелой бросается вперед на противника, стреляет в него, при этом пуля, начиненная морковным соком, попадает тому прямо в грудь. Питер возвращается. «Убитый» должен покинуть зону.

В 13 часов объявляется «перемирие», участники плотно закусывают: гуляш из железных котелков, как на войне, пиво и лимонад из банок, как дома. Эти «кадровые солдаты на время» полны энтузиазма. Обеденный перерыв кажется им слишком долгим: штатским людям, в жизни таким мирным, не терпится вновь окунуться в сутолоку «боя».

В заключительном жестоком сражении участвуют 18 «оставшихся в живых» представителей персонала и 10 сотрудников «Филипс». Изрядно поредевшая команда «Филипс» принимает решение пойти в самоубийственную атаку.

В лесу начинается беспорядочная перестрелка. В воздухе свистят морковные пули. От команды «Филипс» остается только один человек. Однако, на удивление всем, ему удается завладеть знаменем. Трубят победу, и представители персонала не могут прийти в себя от удивления.

В 5 часов пополудни игра заканчивается. Все устали. На грузовиках участники возвращаются к гостинице. Для охваченных энтузиазмом «солдат» сейчас дело принимает серьезный оборот. Майк Каузенс, директор отдела сбыта компании «Филипс», разъясняет поче-

му: «Для нас это очень желательный эксперимент». Стратеги фирмы извлекают собственные выгоды из поведения своих сотрудников на поле «боя»: «Здесь проявляют характер агрессивные натуры, уравновешенные и те, для которых в первую очередь важна безопасность». Каузенс полагает, что ему известно, как его предприятие воспользуется полученным опытом: «Агрессивные натуры нам нужны, потому что мы действуем в условиях агрессивного рынка. Уравновешенные натуры являются идеальными для сбыта более зрелой продукции. Последняя группа, которая только и думает о том, как бы выжить, пригодна для сопровождающей деятельности». Неизвестно, что под этим подразумевается.

Весь вопрос в том, можно ли действительно провести параллели между играми подобного рода и эффективностью на рабочем месте. Питер Барроус поясняет это так: «В игре действуют строгие правила, на рынке же необходимо добиться цели, неважно, какими средствами. Нечестная игра здесь, в лесу, не разрешена, на рынке же она порой не помешает».

Тем не менее никто вообще не ставит решающего вопроса: в какой степени разрушительная агрессивность, потенциально дающая успех вначале, ведет к поражению, когда цель уже достигнута. Организаторы «Боевой зоны», само собой разумеется, отгораживаются от критики. «Это всего лишь игра,— утверждает Уолфелд,— участники действительно становятся агрессивными, ведь для этого в конечном счете она и проводится. Но существуют пределы: физический контакт запрещен».

По мнению Уолфелда, не существует опасности, что агрессивность, появляющаяся здесь, проявится в повседневной жизни. Он, кажется, не замечает, что тем самым подрывает основы своего собственного предприятия. «Это игра всего лишь на один день. И кроме того, британцы не воспринимают всерьез подобные вещи».

Это не совсем верно. Когда два года назад впервые были организованы такие игры, то многие в Англии были возмущены. Против выступили местные жители, местная администрация, движение «Гринпис фаундейшн», антивоенные организации.

В защитительной речи Иан Уолфелд охотно приводит в качестве примера Соединенные Штаты. Там культ Рэмбо и мужской силы привел к вырождению таких тренировочных игр. Там, по его словам, «воюют» уже с использованием вертолетов, автоматических винтовок и танков. И здесь Иан Уолфелд «выпускает кошку из мешка». «Там уже есть такие места, где стреляют настоящими пулями»,— заявляет он.

А на континенте? На континенте проявляют большой интерес к подобным играм, утверждает Уолфелд. Тот культ, который возник вокруг «физической готовности», а также «тренировки ради выживания», может пойти на пользу идее «боевых зон». При этом речь идет о командном духе, не хватает лишь конкуренции. В чем и заключается шанс «боевой зоны». И самое главное состоит в том, заявляет этот начальник «боевой зоны», что на рынке «дело ведь доходит до поножовщины».

И все же остается нравственный вопрос: как поведут себя сотрудники, вынужденные опасаться, что их понизят в должности, если в тренировочном лагере они не «застрелили» достаточного числа людей?

Из еженедельника «Виртшафтсвохе» (ФРГ)

СПОКОЙНЫЙ ДЕНЬ В БЕЛФАСТЕ

Зденек ПРОХАЗКА,
чехословацкий
журналист

Давайте повторим вопрос предыдущего материала: как поведут себя в жизни люди, натренированные на убийство себе подобных? И поставим еще один вопрос: как ведут себя английские солдаты, тренировки которых копируют будущие удачливые бизнесмены? Вот так (смотри фото): похоронные процессии в Белфасте, Дерри и других городах многострадального Ольстера однозначно отвечают на этот вопрос.

Черные точечки на голубом небосводе по мере приближения превращались в зеленые вертолеты. До нас донесся их все нарастающий гул.

— Сегодня в городе будет спокойно,— сказал Шен, задрав голову к небу. Я согласился, хотя, как мне казалось, ситуация не внушала доверия. Было около десяти утра: с двух противоположных концов города вот-вот должны тронуться две длинные траурные процессии. На своем пути к только что выкопанным могилам на двух отдаленных друг от друга кладбищах они нигде не пересекутся. Так же, как никогда не пересекались жизненные пути покойных. И все же их имена сегодня произносятся рядом, а их похороны взволновали весь город, что я уже ощутил на себе. Пока я дошел до угла, где мы с Шеном условились встретиться, четыре патруля проверяли мои документы, а вчера — ни разу.

В скромном дубовом гробу понесут тело католика Джима Маккернона, застреленного английским солдатом. В другом гробу, богато украшенном, отправится к месту вечного сна член тайной унионистской организации, которая вербуется из воинственно настроенных североирландских протестантов. Он был убит в перестрелке.

— Мне кажется, все пройдет мирно,— повторил Шен. Он часто оказывался прав: у него свои источники информации. Именно это помогло нам ночью избежать облавы британских солдат и королевской ольстерской полиции в бедном католическом квартале Фолз Роуд.

— Ничего страшного,— объяснял он потом в такси.— Ну потеряли бы несколько часов, пока бы ты растолковал им, что являешься журналистом. Не исключено, правда, что ты не успел бы и слова сказать... Все патрули такие нервные, а по вечерам совсем теряют голову. Да в Белфасте все сейчас такие. Недавно проверяли документы у одного человека. Прежде чем он успел вытащить удостоверение, ему засадили пулю в живот.

Мы едем в южный пригород, откуда должна выйти похоронная процессия. Дом Маккернона нашли сразу: к нему подтягивались военные патрули, над крышей завис вертолет. Поперек тротуара застыл серо-зеленый полицейский «лендровер», на крыше которого маячили два полицейских с карабинами на изготовку. Еще двое солдат наблюдали за происходящим, свесившись из окна противоположного здания. Дом и сад Маккернона были оцеплены полицейскими машинами, а за ними стояли люди в трауре.

Ровно в девять из дома вышли четверо мужчин, вынесших на плечах гроб, за ними жена убитого. Люди в трауре попытались прорваться через полицейский барьер. Полиция пустила в ход дубинки. Госпожа Маккернон сначала попросила полицейских удалиться, явно не ожидая, что ее просьба будет выполнена. Затем обратилась к участникам похоронной процессии, попросив их достойно почтить память мужа и не вызывать беспорядков. Процессия медленно двинулась в обрамлении черных полицейских мундиров. Пока мы шли к кладбищу, Шен рассказывал мне о смерти Маккернона. Он вышел из дома в субботу утром и направился в центр города. По пути его остановил патруль, а далее события (если верить

показаниям патруля) разворачивались так: командир патруля приказал Джиму остановиться для проверки документов. Тот якобы повел себя «агрессивно», и офицер вынужден был застрелить его в порядке самообороны. Однако нашелся свидетель, который утверждал, что Джим Маккернон поднял руки вверх тотчас по приказу солдат, а те открыли огонь.

Сопровождать катафалк на кладбище имели право только родные покойного и полиция. Полицейские занимали позицию и за надгробиями. Дула автоматов щетинились над кладбищенской стеной. Сопровождавший процессию на всем пути вертолет снизился, заглушая голос священника.

Несчетное количество раз двигались на это кладбище подобные процессии. Многие жертвы «нервозности» британских «сил безопасности» и террористических актов ультраправых покоятся именно здесь. Тут же и могила Боби Сэндса, одного из десяти ирландских патриотов, начавших голодовку в тюрьме Лонг-Кеш в знак протеста против британской оккупации и доведших ее до конца. Их смерть в 1981 году потрясла мировую общественность — и лишь Лондон остался безучастным. Когда мы после похорон пришли на обезлюдевшее кладбище, я искал надгробия с надписью, которая будет высечена и на мраморной плите могилы Маккернона: «Убит британской армией». Попытавшись сосчитать такие надгробия, я вскоре отказался от своего намерения.

— Что толку считать? — спросил меня Шен, приведя к могиле двенадцатилетней Энн Келли.— Даже если бы была одна эта — терпеть нельзя.

Мы возвращались в центр города. Двойные похороны прошли спокойно, если не считать небольшой драки. «Говорил я, все обойдется сегодня»,— напомнил Шен. А я подумал, насколько разное у нас представление о спокойном дне. Ведь этот «спокойный день» вписал на кровавый счет Ольстера новые жертвы...

Я приехал в Белфаст из Дублина, столицы Ирландской Республики. Дорога занимает около двух часов. Но кажется, что Белфаст начинается уже на дублинском вокзале. Проверка документов, досмотр, детекторное устройство превращают посадку в обыкновенный пассажирский поезд в контрольную зону аэропорта. Пассажир опасливо оглядывается, прочитав надпись на перроне: «В целях безопасности не оставляйте багаж без присмотра».

Граница, разделяющая Ирландскую Республику и Северную Ирландию (Ольстер), была установлена в 1921 году в основном по линии старых границ графств XVIII века. В учет не принимались ни географические условия, ни расположение католических и протестантских центров. Граница проходит вдоль шоссе, разделяя селения и фермы. Хлев может оказаться на территории республики, а усадьба в Британском королевстве. До сих пор не прекращаются споры о протяженности границы. Выбирайте — 303 или 280 миль — в зависимости от того, на чьей вы стороне — британской или ирландской. В тот день, когда я пересекал границу, ее легко было распознать. То, что я наблюдал из окна мчащегося поезда, на другой день уместилось в двух строчках сообщения английской газеты: «Бригада по борьбе с терроризмом предприняла вчера расширенную облаву вдоль границы с Ирландской Республикой».

Едва выйдя с вокзала в Белфасте, начинаешь ощущать весь ужас, разыгрывающийся здесь: ненависть, насилие, убийства... «Это мне знакомо,— успокаивает Шен,— через это проходит каждый иностранец, а некоторые так и не могут избавиться от неприятного чувства».

Легко сказать — избавиться. Каким образом сделать это, если то и дело натыкаешься на вооруженные патрули, а по улице без конца шныряют «джипы» Ольстерского оборонительного полка, из которых торчат дула карабинов. Почти два десятилетия Белфаст живет в таком состоянии ни войны, ни мира. Люди выстраиваются в очереди у касс кинотеатров, из дорогих магазинов в центре города выходят нарядные женщины с разноцветными свертками, возле университетской столовой толпятся студенты, поодаль спит прямо на земле пьяный, пес уткнулся ему в колени... Обычная жизнь в обычном городе накладывается здесь, подобно диапозитиву, на совсем другую. В парикмахерской на Фолз Роуд в католическом квартале мастер намыливал подбородок клиенту. Вдруг на улице заскрипели тормоза, распахнулись двери, и раздалась автоматная очередь. Парикмахер замертво рухнул на пол, наполовину побритый клиент застыл ни жив ни мертв в кресле.

У перехода стоит стайка дошколят. Молодая воспитательница утихомиривает расшалившихся на тротуаре девчушек, потом выходит на проезжую часть, чтобы остановить движение. Одна из машин поддает газу, щелкает выстрел, и дети видят, как их воспитательница падает на дорогу и на сером асфальте растекается лужа крови. Об этих двух случаях рассказал мне Шен, о десятках подобных я читал в газетах.

Город разделен невидимой, но резкой границей ненависти, а также вполне реальными преградами из решеток, колючей проволоки, жести и кирпичей. Одноэтажные кирпичные домики выстроились в шеренгу в грязном обветшалом католическом гетто западного Белфаста. Они отделены от района, где расположены виллы богатых протестантов, обосновавшихся в восточной части города. Обособленный центр с дорогими магазинами, отелями, банками, кинотеатрами, британскими фирмами может превратиться в неприступную крепость, если закроют входы, охраняемые полицией. По обеим сторонам улицы турникеты для пешеходов — сегодня проход свободен, контрольный пост отсутствует. Правда, к автобусам это не относится. Они останавливаются перед шлагбаумом, внутрь входит полицейский и проверяет, нет ли в салоне подозрительных предметов. К воротам подъезжает маленький «фольксваген», в котором сидят две девушки. Полицейский в пуленепробиваемом жилете, улыбаясь, решительно возвращает их назад. В центр могут попасть только машины со специальным пропуском, который выдается проверенным водителям. И тем

не менее центр далеко не безопасен, время от времени взрывы напоминают, что насилие не остановить решетками.

Шен не позволял мне фотографировать во время наших прогулок по городу, если поблизости находились солдаты или полиция.

— Зачем напрашиваться, чтобы тебя посадили,— рассудительно утверждал он.

Один раз я вытащил фотоаппарат, чтобы заснять контроль на шоссе. Не успел я щелкнуть два раза, как ко мне заспешил полицейский.

— Здесь запрещено фотографировать,— еще издали закричал он,— попрошу ваши документы, вынимайте пленку из аппарата!

В душе я распрощался с пленкой. На полицейском пуленепробиваемый жилет, в руке карабин на взводе, дуло нацелено мне в грудь, за спиной рация. Я вытащил паспорт, приложил к нему журналистское удостоверение. С минуту он перелистывал документы, потом сообщил что-то по рации и вернул мне документы. Играя оружием, полицейский посматривал на меня, но в глазах не было ненависти. Скорее усталость.

— Что вы фотографировали? — спросил он, я вздохнул с облегчением.

— Да вот парк и улицу.

— Больше здесь не фотографируйте,— усмехнулся он, указав рукой через плечо,— мы могли вас неправильно понять.

Только оглянувшись, я сообразил, что стою перед какой-то крепостью. За черными стенами трехметровой высоты с колючей проволочной сеткой, предназначенной для задержания гранат, вырастало кирпичное здание. У монстра имелся один-единственный вход через тяжелые железные ворота с бойницами по обеим сторонам. «Вы находитесь прямо перед полицейским управлением»,— вывел меня из блаженного неведения полицейский.

— Повезло же тебе,— серьезно сказал вечером Шен, выслушав мой рассказ.

Тут взлетел в воздух трактир, а здесь патруль застрелил подростка, в этом доме жил плотник, умерший впоследствии в британской тюрьме... Мы шагаем мимо облупившихся фасадов с заколоченными окнами, мимо обгоревших остовов домов по пустым серым улицам, вдоль которых шеренгами стоят одинаковые дома из красного кирпича. Мы почти пришли в центр католического квартала Фолз Роуд, где живут бедняки. Сюда полиция отваживается являться лишь в сопровождении солдат, а ночью предпочитает не показываться. Эти улицы, дома и люди, обитающие в нищенских кварталах,— реальное содержание статистических данных и опросов, свидетельствующих о том, что Ольстер самая бедная область Европейского экономического сообщества, в странах которого каждый пятый безработный. А здесь работы нет у каждого второго жителя.

Мы условились встретиться у родителей Шена с его друзьями. «Но сначала я тебе кое-что покажу». Проблуждав немного, мы вышли на узенькую улочку, перегороженную в конце ребристой жестью с острым верхом. «Там я никогда в жизни не был и, видно, не буду,— сказал Шен.— Там начинается протестантский район. Идти друг к другу и для нас и для них — рисковать жизнью».

В доме родителей нас уже ждали Син, Джон и Бэрри.

— Как привлечь внимание мира к нашему положению? — допытывался у меня Бэрри.— Мир глух, безразличен, пока не увидит смерть людей. У нас, живущих в Фолз, на всю жизнь выжжено клеймо. На этой улице живет восемьдесят семей, и только в двух мужчины нашли работу. В доках, да и во всей промышленности Белфаста 90 процентов рабочих — унионисты. Быть католиком в Белфасте означает для большинства смерть быструю или медленную, когда отчаяние топится в алкоголе...

— Мы вынуждены как-то защищаться,— говорит Син.— Англичане явились в Ольстер под предлогом защиты нас от протестантских фанатиков. Теперь нам надо защищаться и от протестантов и от англичан. Ирландская республиканская армия запрещена правительством. Но члены Объединения в защиту Ольстера (крупнейшая протестантская полувоенная легальная организация Северной Ирландии.— Ред.) могут разъезжать по городу в «джипах» открыто. А у них на руках наша кровь. Против нас действует полк в защиту Ольстера, состоящий из фанатиков-унионистов, другие полувоенные и военные организации — «Бойцы за свободу Ольстера», «Ольстерские добровольцы», фашисты патера Пейсли... Все они существуют с благословения армии и полиции.

Поздним вечером Син, Джон и Бэрри поднялись и исчезли во тьме. Осталось много невысказанных вопросов, на которые я наверняка не получил бы от них ответа. Когда мне было столько лет, сколько сейчас им, я учился в институте. Они безработные. Что их ждет завтра, никто сказать не может. А главное — им по двадцать, как ждать от них терпения? Об этом говорила мне Люцилита Вгритнах из управления по иностранным делам Ирландской Республики. «Решение проблемы Ольстера — прежде всего решение социально-экономических проблем, в какие бы лозунги ни облекалось происходящее. В основе лежит борьба за политическую и экономическую власть. Протестанты борются за сохранение привилегий, католики — за ликвидацию социального неравенства. Сектантская нетерпимость — результат социального бесправия».

Я намеревался остаться на ночь у Шена, поскольку меня не привлекала прогулка по ночному Белфасту.

— Скоро тут начнется заварушка. Лучше тебе заночевать в отеле,— сказал он.

Как только стемнеет, город будто вымирает. Черное такси везло меня через мертвую ночь, Шен долго убеждал водителя, который отказывался ехать в отель, поскольку путь лежал через протестантский район. Только сейчас я узнал, что случилось. Час назад был убит католик.

— В эту ночь никто не уснет в нашем квартале. Приедет полиция, войска расположатся на улицах, начнутся обыски, допросы. Конечно, не тут бы следовало искать, а в протестантском квартале,— сказал Шен. Помолчав, добавил: — Нет, нельзя назвать сегодняшний день спокойным.

Утром по пути на вокзал я узнал подробности. Жертва — Реймонд Муни — несколько дней назад праздновал рождение третьего ребенка. Брат убитого был похищен унионистами шесть лет назад, и с тех пор его больше не видели. Вчера трое в масках остановили Муни на пути домой, завели в костел Холи Кросс, заставили лечь вниз лицом и четыре раза выстрелили в спину. На месте преступления была оставлена записка, что это месть за смерть Джона Бингхэма, похороненного утром того же дня.

— Муни не был террористом,— возмущался Шен.— Это подлое убийство невинного человека, стоявшего в стороне от политики.

Сколько раз в течение одного только «спокойного» дня я подвергался проверкам, замирал от ужаса, когда из боковой улочки выбегал британский патруль, целил прямо мне в грудь, сколько раз я оказывался на мушке пулеметчика в бронемашине? Становишься ли равнодушным, привыкаешь или ненависть и унижения скапливаются, чтобы однажды взорваться? Я где-то читал, что девять из каждых десяти жителей Белфаста принимают успокоительные порошки.

— Ты меня спрашивал, привык ли я жить почти как на войне? — говорил мне Шен, когда мы прощались на вокзале.— Мне двадцать лет, и я не знаю другой жизни. Иногда я страшно боюсь. Но я живу здесь и останусь здесь. Может, я и привык, но никак не смирился.

На белфастском вокзале я прошел спецконтроль, купил в киоске за 20 пенсов «Белфаст телеграф», подозрительно осмотрел сиденья в вагоне и развернул газету. Пробежал глазами по коротким сообщениям — первая страница предлагала вниманию шесть нападений, десять жертв и два процесса за истекший месяц. Только одно сообщение редакция сочла нужным обвести траурной рамкой, что придало известию о повышении цены на газету на двадцать два пенса вид некролога.

Я выглянул из окна. На шоссе, протянувшемся параллельно железной дороге, вытянулась очередь перед двумя «джипами» и бронемашиной, блокирующими проезд. Поезд в этот момент покидал территорию шести исторических провинций Ольстера.

Перевела с чешского
Т. ОСАДЧЕНКО

ВАШЕ МНЕНИЕ?
ВАШЕ МНЕНИЕ?
ВАШЕ МНЕНИЕ?

С РОЖДЕНИЕМ РЕБЕНКА УМИРАЕТ ЛЮБОВЬ?

Жаклин ОСТИН,
американская
писательница

Рождение ребенка — что это значит? Превращение в героя или жертву? Не знаю, как родители-одиночки, но супружеские пары часто преображаются в угрожающие друг другу воинствующие стороны.

Как бы вы себе ни рисовали ситуацию, но, если действительно должен появиться ребенок, все резко меняется и положение становится, что называется, интересным. Мы с моим мужем Ричардом считаем 28 декабря 1982 года, когда выяснилось, что я беременна, днем начала катания на «американских горках». Это только сейчас все кажется забавным, а тогда мы были на грани развода, но никак не могли договориться, с кем останется дочка,— после 36 недель бессонных ночей каждый из нас хотел отдать ее другому — не сумев договориться, мы так и не расстались.

Преувеличение? Да это был полный переворот! Пока он происходил, мы видели только худшую его сторону. Теперь, когда прошло уже три года и многие волнения и усталость остались позади, мы можем спокойно утверждать, что все сложилось к лучшему. У нас даже родился второй ребенок, он как раз сейчас сидит у меня на коленях и фырчит, и урчит, и лупит по клавишам — аасдфлкйахзуз, да еще как! — пишущей машинки.

Некоторые наши открытия далеко не из приятных. Мы были готовы только к тому, что наша постоянная бедность перерастет в нищету, но этого как раз не произошло. Зато как тесно было втроем! Романтика уступила место отчаянию, на смену мечтам пришло разочарование, эмоциональная щедрость стала роскошью, время подумать — насмешкой, самовыражение — до рождения ребенка мы оба были людьми искусства,— совершеннейшим эгоизмом.

Но перед вами не критический обзор нашей семейной жизни. И не статья о радостях материнства, а то я бы уже разразилась потоком восторгов по поводу крошечных пальчиков, ослепительных улыбок, первых проявлений зарождающейся личности и тому подобного. Мне бы хотелось, насколько это возможно, честно показать, как противоборствовали между собой порядок и разрушение. Мы стали родителями, и под угрозой оказалось наше ощущение собственных возможностей. Во многом это так и сейчас. Нам пришлось учиться чувствовать заново, мыслить заново, бороться за каждую пядь нашей совместной жизни, и на некоторых участках отношения еще довольно хрупки.

В конце 1982 года Ричард был свободным режиссером-авангардистом, о его финансовых возможностях нечего было и говорить. А я после окончания колледжа некоторое время подвизалась в качестве художника-графика и автора рассказов и заканчивала специальную высшую школу, работая неполный рабочий день редактором. Я как раз задумала сделать по договору

статью, сценарий или написать потрясающий роман. Не беда, что за свою писанину я получала скорее символический гонорар. О ребенке и речи быть не могло. Мы решили подождать года три, пока оба не встанем на ноги. (Еще я надеялась научить Ричарда как следует убирать квартиру, хотя теперь-то я знаю, что это не так уж важно для успешного существования семьи.)

И вот я собиралась приняться за дипломную работу, зондировала почву для моих писательских планов, а тут выясняется, что я в положении. Только начавшись, моя профессиональная карьера могла рухнуть! Достаточно посмотреть на мою маму. Ей пришлось отказаться от игры на фортепьяно, от концертов, да и от просто нормальной жизни лет на двадцать.

Ричард плясал вокруг меня, пытаясь обнять, как вдруг заметил мое кислое выражение.

— Что с тобой?

— Да ничего,— промямлила я.— Все отлично, все просто замечательно, а я никогда не стану писательницей.

— Да перестань ты, спустись с небес на землю.

Мы яростно спорили, стараясь посмотреть на наше будущее с разных точек зрения, и все пытались доказать взаимоисключающие возможности.

— Разве ты сможешь заканчивать учебу, писать роман, заботиться о ребенке и обо мне, да еще работать? — сомневался Ричард.

— Да, черт возьми,— горячилась я. Заботиться о нем! Интересно, кто позаботится обо мне? Ведь туго-то придется мне.

Всю зиму, весну и лето я отчаянно жалела свои гибнущие планы, а Ричард все настаивал: «Тебе придется чем-то пожертвовать. Будешь ли ты заниматься искусством или зарабатывать деньги, тебе понадобится уходить из дома». Он-то не собирался жертвовать ничем. Да, думала я, о солидарности тут и речи быть не может. Но все-таки муж поможет мне в трудную минуту, он понимает и любит меня, его не постигнет участь моего отца, врача по специальности, который буквально пропадал на работе, чтобы мы могли расплатиться с долгами. Если мы сейчас обговорим, кто и чем будет заниматься на семь лет вперед, мы, возможно, не попадем в положение моих родителей.

Удары один сильнее другого так и посыпались на нас. Я ужасно поправилась. (Ричард считал, что разжирела.) Стала хуже соображать. (А надеялась, что смогу нормально работать до самого рождения ребенка.) Мы постоянно были в волнениях. (А думали, что можем отлично друг друга успокаивать.) Родители звонили нам по двенадцать раз в день. (А мы-то считали себя самостоятельными.)

Раньше мы с Ричардом были вполне собою довольны. Мы поддерживали друг в друге самые сокровенные стремления и считали эту область нашей супружеской жизни прочной и исполненной благоразумия. Бедные, но сильные, как Робин Гуд из Сохо (район в Лондоне.— Ред.) и его Мэриэн, мы отбирали у богатых и отдавали друг другу. Проблемы мы обсуждали по мере их возникновения, жили непринужденно и беспорядочно. Мы было попытались продолжать такой образ жизни, но оказалось, для родителей новорожденного это не проходит — нужен строгий режим.

Работа над дипломной двигалась с трудом. Тысячи не связанных друг с другом отрывков были навалены на моем столе, на полу и даже на столе Ричарда. Я во всем винила мужа, который хотел, чтобы его постоянно гладили по головке. «Я в таком напряжении,— жаловался он,— все деньги, деньги, деньги...» Поскольку я собиралась кормить сама, то о моем выходе на работу не могло быть и речи. Ричарду придется зарабатывать на всех.

Как он с этим справится? Займется ли внештатным редактированием? Преподаванием? Пойдет ли в адвокатскую школу? Мы не могли прийти ни к какому решению. Дела с его фильмами продвигались крайне медленно. Мои рассказы все лежали в редакционных портфелях. Да и вообще, как мы оба сможем работать в нашей крошечной квартире? Кто-то должен отказаться. «Придумаем что-нибудь,— уверяла я,— дети много места не занимают. А я буду гораздо лучше себя чувствовать, если закончу дипломную. Тогда месяцев через семь-восемь я опять смогу писать и зарабатывать».— «Конечно, сможешь»,— отвечал Ричард. Но было очевидно, он так не думает.

Уединение становилось невозможным. У нас постоянно шла борьба за право побыть одному. Нам обоим надо было не меньше четырех часов пробыть в одиночестве, чтобы полноценно общаться потом в течение часа.

А как пройдут сами роды? Не опозорюсь ли я? Мы посещали курсы будущих родителей. Это был еще один источник раздоров. Я и курсы нашла, и пригласила наших друзей — супружескую пару — записаться вместе с нами. Я-то была заинтересована в них обоих, но вскоре муж беседовал только с Ричардом, а мы с его женой ходили иногда выпить молочный коктейль и искали поддержки друг в друге.

Я очень изменилась, стала просто огромной, и с прежними представлениями о своей внешности утратила и старые иллюзии. С отрочества до недавнего времени я втайне полагала себя совершенством. Иметь прекрасную фигуру, заниматься интересной творческой работой значило для меня быть великолепной художницей и независимой в браке. И пусть другие говорят, будто всего вместе не бывает. Но теперь я уже не могу считать себя такой безупречной личностью, как раньше.

Последние шесть недель послужили мне хорошим уроком. Я уже не могла ни одеваться, ни работать, ни готовить, ни даже купаться без посторонней помощи. Сойти вниз по лестнице становилось событием. Писать толком было невозможно. Все время казалось — вот-вот начнется, и я в страхе бросалась к телефону. А идеалист Ричард советовал мне расслабиться. Его раздражало, что я им помыкаю, обвиняю его в том, что мне теперь так плохо, не даю ему ходить играть в бейсбол. Я понимала свою неправоту, но он-то почему все время ныл?

Я успокаивала себя, вот пройдет еще месяц, и все придет в норму. Какими бы трудными ни были роды, с теперешним положением ничто не сравнится, а потом, сколько бы работы ни навалилось, мы вдвоем справимся. По крайней мере, мы пройдем через все испытания вместе, и, как нам обещали курсы будущих родителей, когда появится ребенок, отношения наши упрочатся, как говорится, они жили вместе долго и счастливо. К сожалению, рождение Тамар не оправдало наших ожиданий, наоборот, совместная жизнь продолжалась с трудом.

После рождения девочки мы никак не могли наладить отношения. Я часто плакала, вспоминая, как тяжело было рожать, меня не покидало чувство растерянности. А Ричард сердился: «Ты на меня совсем не обращаешь внимания! Я же тебя люблю. Почему ты все время думаешь только о себе?» Мне хотелось лишь тишины. Теперь я спала одна на кушетке. Ричард продолжал работать.

И тем не менее мы были восторженными родителями. Мы обожали нашу дочурку и постоянно соперничали друг с другом. Ричард с утроенной энергией пеленал малышку, возился с нею и выхаживал километры взад-вперед по комнате, бесконечно и монотонно напевая ей «Сто бутылок молока висят на стене». Иногда и я подпевала, но чаще просила его приглушить громкость — недосыпание странным образом сказывалось на моем чувстве юмора и в особенности на слухе.

Я считала, что вся основная работа лежит на мне. Тэм нравилось, как с ней возится Ричард, но главная была все-таки я. Ричард работал, девочка страдала коликами, и я вовсю входила в роль мамаши, так наши планы делить все заботы пополам остались в области несбыточного. Почва была выбита из-под ног с самой первой недели. В пятницу появилась Тэм. В субботу надо было учиться кормить. В воскресенье — возвращение из роддома: родители и все наши друзья приходили давать советы. А мы наперебой жаловались друг на друга, обвиняя во всем плохое воспитание, полученное дома. Разве хорошо, если девочка станет такой же воображалой, как я, или такой неряхой, как Ричард. В понедельник я была завалена грязными пеленками, а мой супруг отправился на работу. Уж, конечно, обучать прелестных девиц делать политически чуткие фильмы куда приятнее, чем сидеть с ребенком в полной изоляции от жизни.

А сколько дел по дому! Ну почему Ричард не может помыть посуду или

постирать? Каждый раз, вставая с постели, я ощущала, будто часть меня оставалась на подушке. Я и представить себе не могла, что семифунтовый ребенок может быть таким тяжелым. Ричард, конечно, старался мне помогать, но все-таки его два-три дня в неделю не бывало дома.

Я была абсолютно не готова к тому смешанному чувству восхищения, страсти, гордости и горечи, которое крепло во мне с каждым разом, что я кормила дочь. Я могла держать себя в руках, только когда была с ней. Вот где я чувствовала себя специалистом и постоянно поучала Ричарда: «Пеленай так, мажь аккуратнее, осторожнее с присыпкой!» Все это смущало его. Ну и пусть. Я-то делала в два раза больше. И потом, пора бы ему уже научиться. Да как можно было давать ей это питье после ночных колик, ведь это все равно что ядом поить! Изверг! Как она у него надрывается от плача. «Ты что, не понимаешь, чему ты ее учишь? — выговаривала я время от времени.— Отцы такие бесчувственные».

Только подростком, пытаясь вырваться из-под материнской опеки, я испытывала похожее чувство отчаяния, которое теперь во мне вызывал муж. Любая попытка найти некое равновесие между зависимостью и самостоятельностью сопровождается подобными переживаниями, но я была склонна винить во всем Ричарда. Чувствуя себя неловко от того, что он избавлен от многих забот, злясь, но не желая признавать этого, Ричард только подогревал мое раздражение. И чем ближе физически мы становились с дочкой, тем больше я отдалялась от мужа. Участники нашей маленькой мелодрамы слабо отдавали себе отчет в происходившем. Все люди (и дети не составляют исключения) тянутся к здоровому — это мы поняли еще в первые месяцы существования малышки,— а мы не то чтобы были нездоровы, скорее находились в состоянии какого-то помешательства. Мы хотели видеть друг в друге и врача-психиатра, и постоянную прислугу. А ребенку были нужны родители. И если я жаждала уединения, то Ричард, считая, что уединение все равно нереально, требовал близости. А еще внутри каждого из нас звучал голос, напоминавший, что мы — творческие люди. Чтобы как-то оправдать свое недовольство, мы было начали предъявлять друг к другу старые требования, не понимая, что родившийся у нас человечек делает их невозможными.

Оглядываясь назад, я вижу, какими мы были, в сущности, беспомощными: мы и не предполагали, что уборка квартиры или зависть могут влиять на любовь. Глупцы, считающие, что любовь способна длиться бесконечно и что отношения зависят не от того, сколько времени люди в состоянии уделить друг другу, а от одного лишь чувства, должно быть, думают так потому, что не имеют детей. Прошло почти семь месяцев, прежде чем я смогла обратить внимание на Ричарда. Так что у него были все основания для недовольства.

Мы считали виноватыми кого угодно, только не себя. Виноваты были и ребенок, и время, и наши родители. Мы кружили по нашей однокомнатной квартире, словно дельцы, ревниво следящие, чья сделка выгоднее.

Вот типичная ситуация. Только мы после приготовленного на скорую руку ужина и небольшой перебранки свалились без сил и заснули, как вдруг раздается слабый детский плач, который делается все громче и громче, пока наконец я не вскакиваю, а Ричард-то продолжает спать. В конце концов часам к пяти-шести утра я все-таки убаюкиваю малышку и собираюсь прилечь сама. Тут Ричард вдруг кричит: «Тебе помочь?» Конечно же, девочка просыпается. Неужели он на самом деле хотел мне помочь? «Сам разбудил ее — сам и укачивай!» — кричу я и забираюсь в постель. Тут выясняется, что ребенка надо переодеть и пора кормить, а бутылочка у меня не приготовлена. «Мне скоро на работу»,— ворчит Ричард. «Если хочешь, сиди с ней, а я буду работать»,— сухо отвечаю я. Это могло бы стать выходом, будь я готова пожертвовать своей близостью с дочерью. Но неужели я способна отказаться от самого сокровенного, что у меня есть,— возможности кормить своего ребенка — ради каких-то абстрактных, весьма условных, может быть, даже надуманных желаний Ричарда? Нет. Даже ради сна. А ведь не спать ночами очень тяжело: не покидает ощущение усталости и подавленности.

Постепенно дела со сном начали налаживаться. Но странным образом это приносило новые проблемы. Теперь Ричард все чаще говорил, что хочет пойти на бейсбол, что нам надо немного развеяться. Но как? Начинались бесконечные споры о нянька́х, игровых группах. И потом, разве мы не должны развивать малышку? Все заканчивалось тем, что я взвалила на себя в два раза больше работы и шантажировала Ричарда, заставляя его следовать моей точке зрения. «Ты совсем закисла»,— то и дело слышала я от мужа. Я же ставила Ричарду в вину, что он ничем не хочет поступиться ради ребенка, что он не видит в маленьком существе зарождающегося человека. Я считала себя единственной, кто понимает, что необходимо ребенку, и мало-помалу теряла себя как самостоятельная личность. Разве можно считать игры с ребенком важнее работы, которая уже и так отошла на второй план? Ни времени, ни места, чтобы писать, не было, да и сил тоже.

Считается, что именно женщина отвечает за благополучие своей семьи: если кормилец-муж недоволен или ребенок нервный — это вина женщины. И со всех сторон я только и слышала: «Ты хочешь все сразу». Так считали и родители, и друзья, которые до рождения Тэм только и твердили мне, что о работе. Ричард же был целиком на моей стороне. Мы с удивлением заметили, что стали ближе друг другу.

Когда Тэм исполнился год, я решила пересмотреть свои воспитательные принципы. Тому было несколько причин. Во-первых, мне предложили работу по договору, во-вторых, я похудела, и, в-третьих, мое воспитание отрицательно сказывалось на поведении дочери. У Ричарда все еще не было постоянной работы. Курсы по документальному кино — само по себе и неплохо, но пора было браться за настоящее дело. Они с приятелем решили открыть студию кино и видеозаписи и поначалу потеряли на этом кучу денег. Теперь, когда я сама начала зарабатывать, настроение мое резко улучшилось. По сравнению с домашней работой и сидением с ребенком писать было просто облегчением. Пусть теперь Ричард немного помучается, что он и делал, хотя был очень недоволен, что именно у него имеется на это время.

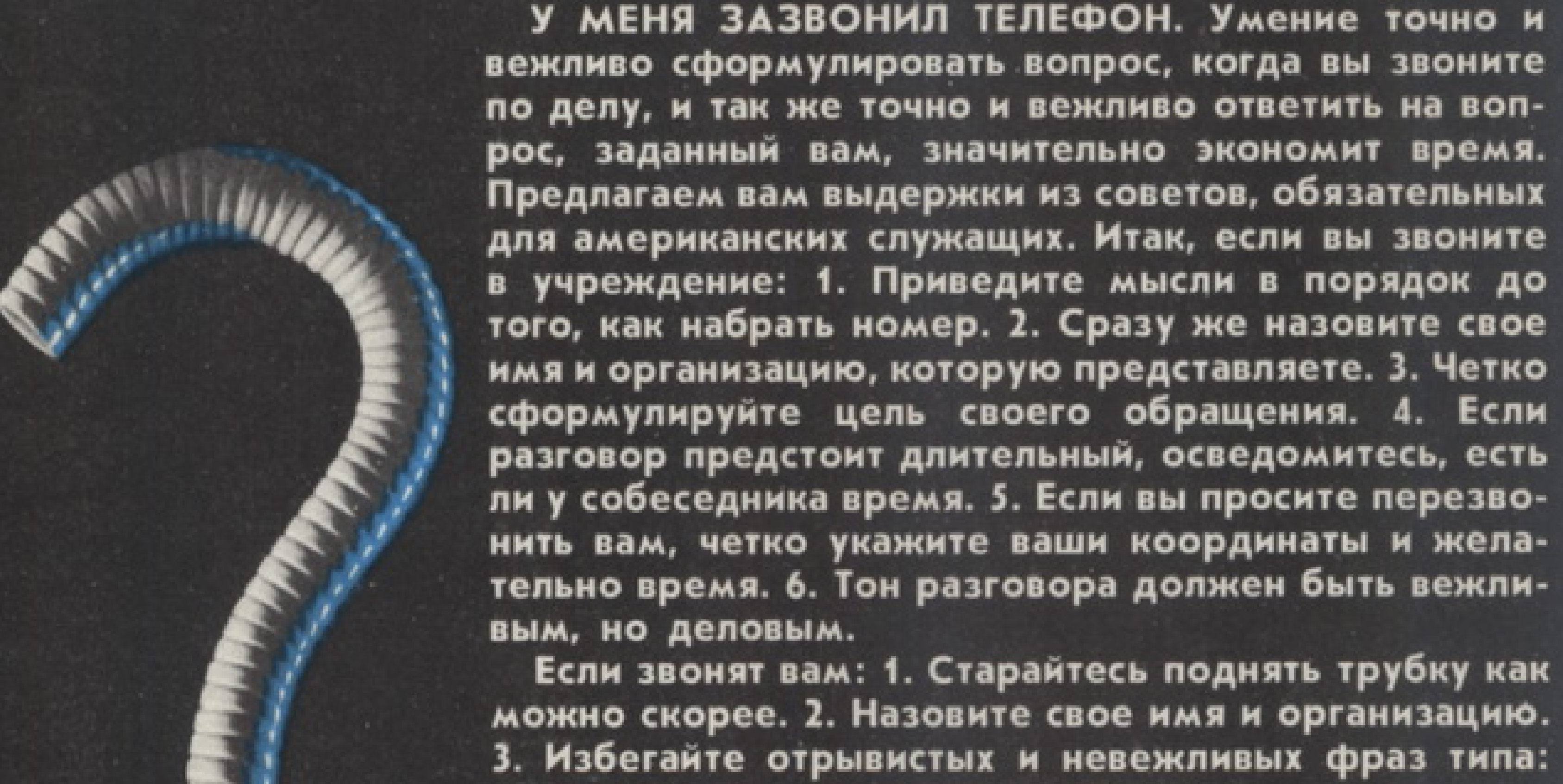
Меня не на шутку беспокоило поведение Тэм. Она продолжала просыпаться по ночам, но совершенно не слушалась Ричарда, капризничала. Я с ужасом понимала: ее действия — копия моего поведения. Мне хотелось, чтобы у нее выработалось чувство защищенности и она вполне им обладала, но если Тэм командует нами уже в год, то что же будет дальше?

Наконец мы нашли хорошую няню. Она приучила Тэм к бутылочке, но по ночам я все еще кормила ее. Когда мы с Ричардом бывали недовольны друг другом, мы лупили подушки, принимали горячую ванну или шли с ребенком на улицу, что моментально приводило в себя оставшегося дома. Когда мы бывали вместе, то читали Тэм, гуляли с ней и играли. Квартиру убирали кое-как, стирали по очереди, готовили в основном макароны и салаты, а раз в две-три недели совершали семейные походы за покупками. Пока Тэм была с няней, я успевала позаниматься в спортивном зале и поработать в университетской библиотеке. Ричард трудился над первым вариантом их совместной с приятелем ленты, а по вечерам ходил в спортзал. Тэм уже спала, и я могла писать дома.

В октябре Ричард с приятелем получили работу. Это было замечательно! Я тоже зарабатывала, и похоже, мы начали выкарабкиваться. Прошло еще полгода, и к Ричарду пришел успех. Мы уже подумывали опять заняться искусством, но тут я почувствовала, что вновь в положении.

Второй ребенок — это уже другая история. Каждый новый человек приносит новые заботы и разрешает старые. Стоит нам с Ричардом теперь поссориться, как Джереми начинает плакать, а Тэм назидательно говорит: «Не кричите», и мы кидаемся разбираться с нашими маленькими тиранами. Мы научились из всего извлекать урок, даже из самих себя.

Перевела с английского
М. ДУБРОВСКАЯ

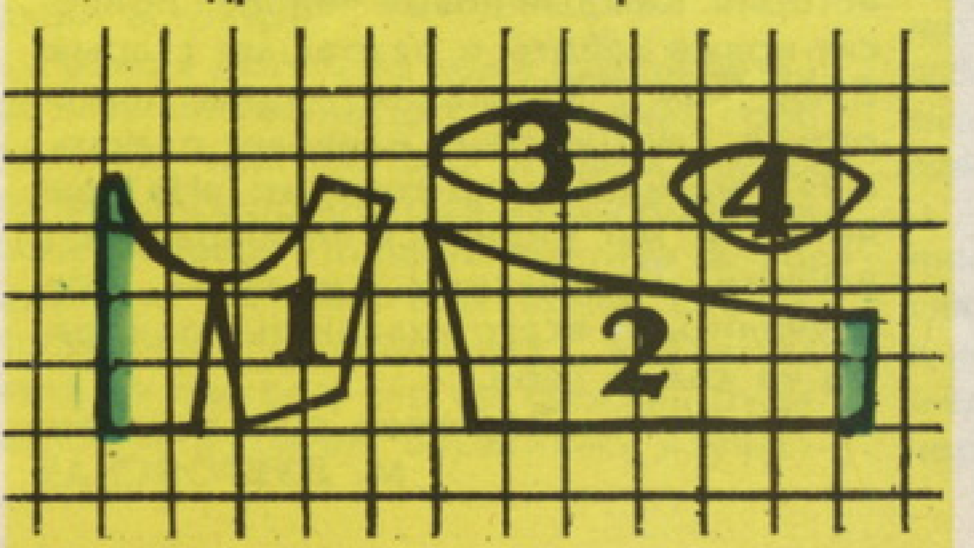


У МЕНЯ ЗАЗВОНИЛ ТЕЛЕФОН. Умение точно и вежливо сформулировать вопрос, когда вы звоните по делу, и так же точно и вежливо ответить на вопрос, заданный вам, значительно экономит время. Предлагаем вам выдержки из советов, обязательных для американских служащих. Итак, если вы звоните в учреждение: 1. Приведите мысли в порядок до того, как набрать номер. 2. Сразу же назовите свое имя и организацию, которую представляете. 3. Четко сформулируйте цель своего обращения. 4. Если разговор предстоит длительный, осведомитесь, есть ли у собеседника время. 5. Если вы просите перезвонить вам, четко укажите ваши координаты и желательно время. 6. Тон разговора должен быть вежливым, но деловым.

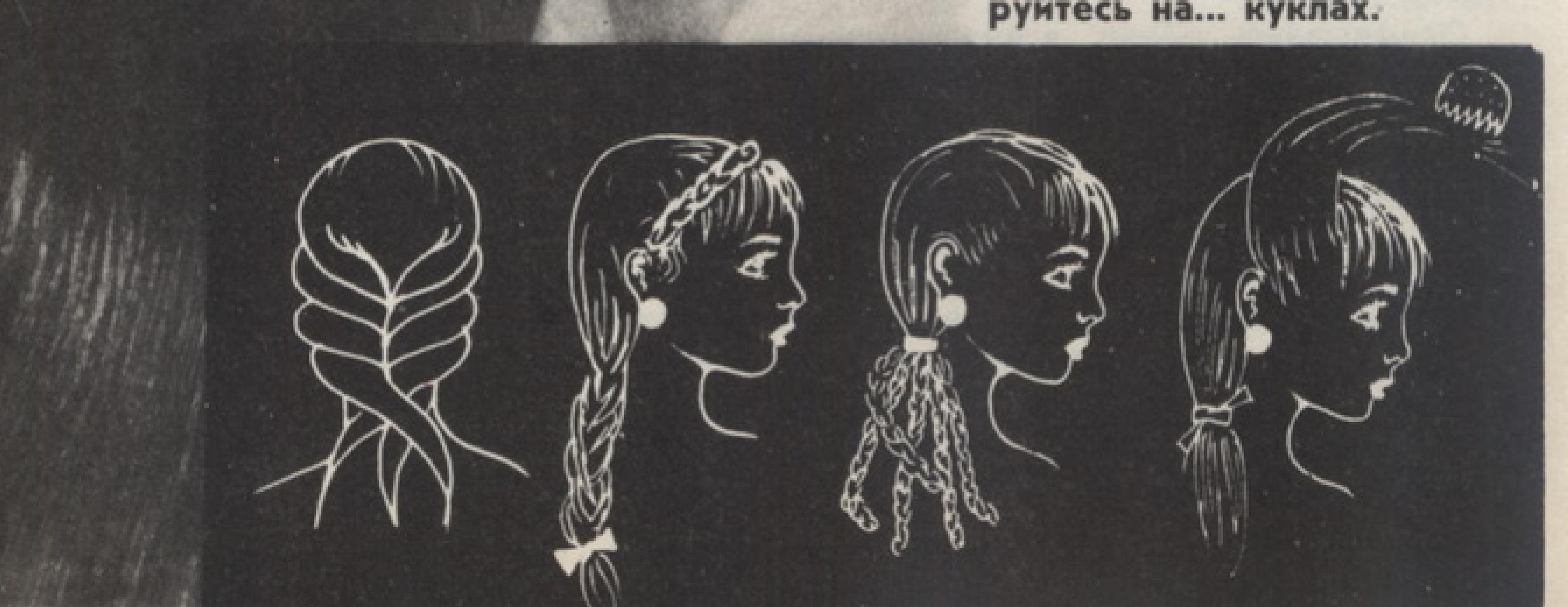
Если звонят вам: 1. Старайтесь поднять трубку как можно скорее. 2. Назовите свое имя и организацию. 3. Избегайте отрывистых и невежливых фраз типа: «Кто звонит!», «Кого надо!» 4. Если звонок адресован вашему коллеге, а его нет на месте, предложите свою помощь или укажите время, когда он будет. 5. Если собеседник не называет своего имени, осведомитесь о нем только в случае крайней необходимости и максимально тактично. 6. Переадресовывайте разговор только тогда, когда точно знаете, кому следует позвонить и по какому номеру.

И главное: если вам приходится отказывать, постарайтесь не испортить человеку настроение.

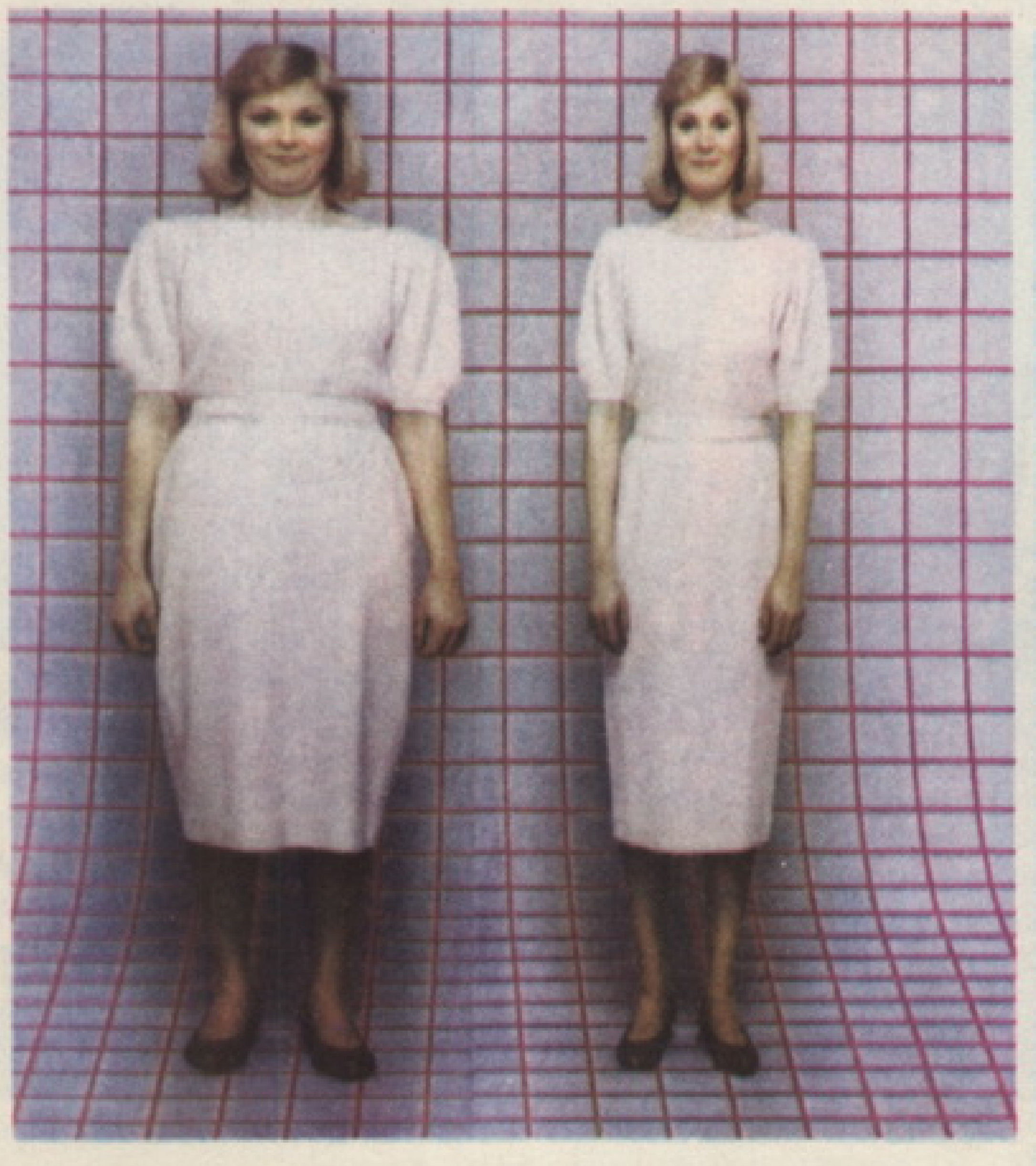
ЛЕГКИЕ, ВОЗДУШНЫЕ ЛЕТНИЕ ПЛАТЬЯ вместо того, чтобы скрыть, зачастую лишь подчеркивают недостатки фигуры. Несколько рекомендаций, предложенных венгерскими и немецкими модельерами. Узкоплечим девушкам следует избегать сарафанов или платьев со спущенной линией плеча, отдавая предпочтение платьям с погончиками, с подставными плечиками. Зато широкоплечие могут носить любые блузки без рукавов и майки, многоцветные узорчатые ткани оптически сужают плечи. Худенькие и невысокие совсем пропадают в широких платьях с крупным узором, зато им идут короткие блузки, мини-юбки и укороченные брючки. Полным же всего удобнее в просторных, длинных блузах — хорошо смотрятся, например, мужские сорочки больших размеров, следует лишь отпороть воротнички и манжеты. К блузам — длинные полотняные брюки или юбки, доходящие до середины икры: такие фасоны «удлиняют» фигуру. А публикуемый чертеж блузки для отдыха (но не для работы!) рекомендуется лишь девушкам, которые не сомневаются в своей фигуре. 1. Перед. 2. Спинка. 3. Верхняя часть чашечки. 4. Нижняя часть чашечки. Одна клетка равна 3,5 квадратного сантиметра.



СТАРИННАЯ ПОГОВОРКА об уме тех, у кого волос длинен, а ум короток, может быть сейчас отнесена лишь к тем, кто относится к своим длинным волосам без ума. Можно покупать модные и дорогие наряды, тратить бешеные деньги на косметику, но если волосы не ухожены, не причесаны и, простите, вовремя не вымыты — пиши пропало. Сейчас уже не в моде вздымаемые ветром пряди, и ветер для длинных волос — один из злейших врагов. В моде — косы, а вариантов плетения великое множество. Предлагаем вам несколько типов причесок, созданных швейцарскими и венгерскими модельерами. А прежде чем экспериментировать над собой, потренируйтесь на... куклах.



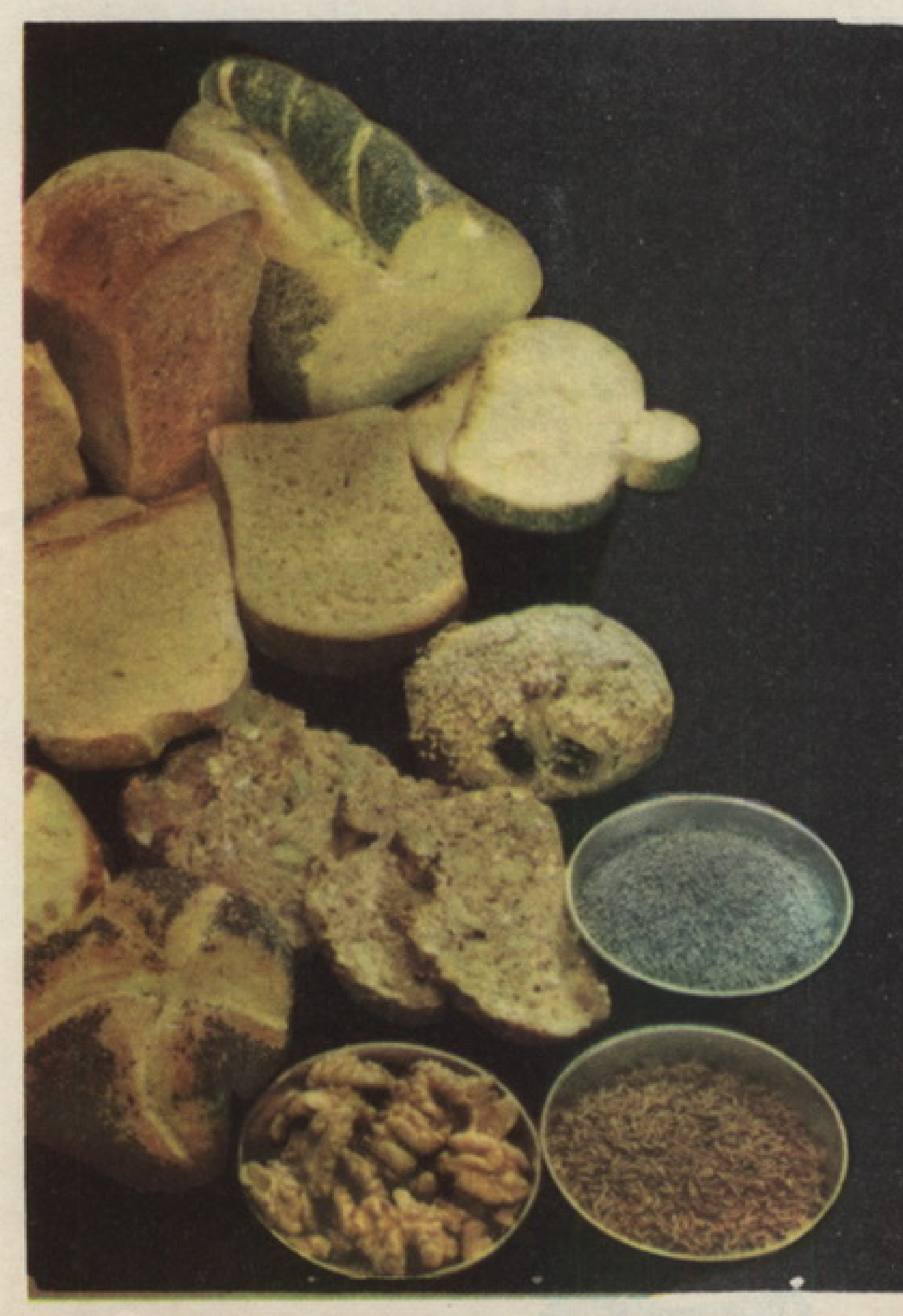
ХОТИТЕ УЖЕ ПОСЛЕЗАВТРА стать на пять сантиметров тоньше и пять килограммов легче! И не пробуйте. Ничего не выйдет. Лучшая тактика, как показывают исследования американских диетологов, «сбрасывать» по полкилограмма в неделю. При этом есть можно все, правда, в несколько меньших количествах. Кроме: конфет, пирожных, мороженого, жареного и жирного. Молоко нежирное, сладкие соки разбавлять водой, лимонад ни к чему, лучше минералка. В салаты вместо майонеза или сметаны — кефир, вообще побольше свежей капусты, моркови, зелени. Картофель можно, но лучше печеный (картофелину вымыть хорошенько, разрезать вдоль, натереть разрезанные половинки солью и в духовку. Есть прямо с кожурой). А на ночь, если ощущаете беспокойство,— чашка чаю с мятой. И не стоит утомлять окружающих сообщениями о том, что вы сидите на диете.



НАВЕРНОЕ, НИЧТО ИЗ МИРА МОДЫ так не отражает моральный климат общества, как купальный костюм. Пример: в 1946 году США провели серию испытаний атомного оружия на атолле Бикини. Спустя несколько недель парижские модельеры представили купальник, который по тем временам казался настолько вызывающе открытым, что модель была названа «бикини». Цинично! Да. За сорок лет «бикини» уменьшился до поистине микроскопических размеров, и вот мода сделала новый виток: вернулись купальники закрытые. Во-первых, в них удобнее плавать, во-вторых, как считает модельер Аликс де ла Комбль, «излишней обнаженностью теперь никого не удивишь. Поэтому женщины вновь хотят стать более загадочными».

ПОЯВЛЕНИЕ В НАШЕЙ РУБРИКЕ знаменитого западногерманского футболиста Франца Беккенбауэра вполне оправдано. Дело в том, что по заказу фирмы спортивных товаров «Адидас» был изобретен коктейль чемпионов «Бодрость», который Беккенбауэр с охотой взялся рекламировать. Вот рецепт бодрости по «Адидас» и Беккенбауэру.

В высокий стеклянный стакан положить три кубика льда, нарезанную ломтиками спелую грушу, выжать сок большого лимона. Добавить две столовые ложки мятного сиропа и двести граммов горьковатого напитка «тоник» или минеральной воды. Размешать смесь длинной ложкой и, чтоб было совсем уж красиво, насадить на край стакана ломтик лимона.



А ТЕПЕРЬ ПОПРОБУЕМ ПРИГОТОВИТЬ СУФЛЕ ПО-ФРАНЦУЗСКИ. Растопить в сотейнике 3 столовые ложки сливочного масла, положить 3 столовые ложки муки и немного соли; непрерывно размешивая, влить тоненькой струйкой 3/4 стакана горячего молока. Добавить 1/4 стакана сахара и варить на слабом огне, помешивая, пока не загустеет. Желтки 5 яиц растереть, добавив, если любите, ванильный сахар (1 чайная ложка), тоненькой струйкой влить в горячую смесь. Чтобы желтки не свертывались, смесь постоянно размешивать. Поставить в холодильник на 15 минут. Оставшиеся белки взбить в пену, можно добавить 1/4 стакана морковного, лимонного или любого другого сока, осторожно влить в смесь. Размешать. Приготовить металлические формочки (указанное количество продуктов — на 8—10 порций), смазать маслом, слегка присыпать сахарной пудрой. Выложить суфле и поставить в предварительно нагретую духовку на 35 минут. Подавать с сухариками из ржаного или любого другого хлеба.

ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО МАРАФОНА

Нил УИЛСОН,
английский журналист
Рис. С. ТЮНИНА

Мишель Бреаль был видным французским лингвистом и историком, профессором Сорбонны. Трудно сказать, бегал ли он когда-нибудь хотя бы стометровку, но когда марафонцам делается неимоверно трудно на дистанции и они проклинают человека, который придумал эту пытку, они проклинают его, ибо марафон — изобретение Бреаля.

Как известно, 13 сентября 490 года до нашей эры греческий воин пробежал без остановок и отдыха примерно 40 километров, чтобы сообщить в Афинах о победе над персами в битве при Марафоне. Это предание и вдохновило Бреаля. В те годы его друг барон Пьер де Кубертен выдвинул идею возрождения древнегреческих Олимпийских игр. Бреаль стал ее горячим сторонником и, как крупнейший специалист истории древнегреческих игр, естественно, принимал участие в подготовке их воссоздания в наши дни. Он отстаивал идею друга и на первом олимпийском симпозиуме, состоявшемся в 1892 году, и на первом Международном олимпийском конгрессе, решение о созыве которого было принято на симпозиуме.

Поначалу в Греции встретили идею с изрядной долей скептицизма, поскольку правительство находилось в то время на грани банкротства и не могло финансировать проект. Однако горячий энтузиазм известного греческого писателя Деметриуса Викеласа помог восторжествовать идее де Кубертена.

Сбор пожертвований принес обильные плоды. Миллионер Георгиос Авerофф, которому перевалило за семьдесят, внес 920 тысяч золотых драхм, которых оказалось достаточно, чтобы заново отделать мрамором Панафинский стадион. Выпуск почтовой марки в ознаменование предстоящего события принес еще 400 тысяч драхм. Когда де Кубертен и Бреаль отправились в Афины, чтобы встретиться с представителями греческого организационного комитета, им оставалось только доработать программу игр. Современные виды спорта были включены в нее без долгих споров. Зато по иронии судьбы все виды, входившие в программу древних игр, были отвергнуты, за исключением метания диска, которое в древности входило в пятиборье.

Однако Бреаль был убежден, что обновленным Олимпийским играм нужно нечто большее, чем метание диска, чтобы завоевать сердца греческой публики. И вот когда он сидел в окружении книжных полок своего парижского кабинета, а было это в 1895 году, его осенила идея. Нужно провести спортивное состязание, повторив путь легендарного греческого воина Филиппидеса от Марафона до Афин. «Если организационный комитет афинской Олимпиады захочет повторить знаменитый пробег древнегреческого воина как часть программы соревнований, я был бы счастлив учредить приз для победителя нового Марафона»,— писал он де Кубертену.

В Греции приняли предложение Бреаля. Конечно, убедил не приз в виде золотого кубка, а уважение к истории своей страны и национальная гордость. Бег на длинные дистанции не имел в Греции каких-либо традиций, как не было его и в программе древнегреческих игр. Тем не менее хозяева первой Олимпиады поняли, что почтить по-настоящему память Филиппидеса можно только победой соотечественника.

Дистанция была проложена по легендарному пути и проходила мимо могилы воинов, павших в марафонской битве. Забег должен был стартовать на мосту в Марафоне и финишировать на Панафинском олимпийском стадионе. Старт был назначен на два часа пополудни 10 апреля 1896 года.

Греки сделали все возможное, чтобы завоевать победу. Они провели для своих спортсменов два предварительных забега по дистанции будущих соревнований. В первом участвовали только члены спортивных клубов, во втором — все желающие, причем второй был проведен всего за две недели до олимпийского марафона. В первом стартовали 12 бегунов, во

втором — 38. В обоих случаях длина дистанции равнялась 40 километрам, какой она и была в дни первой современной Олимпиады, то есть на 2195 метров короче современной марафонской дистанции. Можно назвать и победителя первого в истории марафона — Харилаоса Василакоса, одержавшего победу в первом пробном забеге с результатом 3 часа 18 минут. Однако хотя месяц спустя во время олимпийского марафона он улучшил свой результат почти на 12 минут, но все равно финишировал вторым, а известно, что история никогда не была столь снисходительна, чтобы увековечивать имена серебряных призеров Олимпиады.

И все же первым олимпийским чемпионом в марафоне обязан был стать грек. Ведь из шестнадцати участников двенадцать были греки. И вряд ли четыре иностранца были готовы к тому, что их ожидало. Надо еще вспомнить, что трое из них стартовали в других забегах в первые четыре дня игр: Эдвин Флэк — австралиец, работавший бухгалтером в Англии, выиграл забеги на 800 и 1500 метров; американец Артур Блейк был вторым на полуторакилометровой дистанции; француз Альбен Лермузо — третьим в том же забеге.

Флэк завоевал победу на дистанции 800 метров накануне марафонского забега и в тот же вечер вместе с остальными пятнадцатью участниками был перевезен в Марафон, где все они провели ночь. Подобную подготовку трудно назвать идеальной, и, уж конечно, мы никому не рекомендовали бы подражать ей.

Тем не менее когда назавтра в полдень майор греческой армии выстрелом из пистолета дал старт, француз захватил лидерство, а следом бежал Флэк. После первых 20 километров они по-прежнему были впереди, преследуемые Блейком и четвертым иностранцем — венгром Дюлой Кельнером. Из местных спортсменов в группу лидеров входил только Лаврентис — победитель второго пробного забега, а занявший в нем пятое место Спиридон Луис шел на этот раз шестым.

Однако после равнинного стартового участка последовал затяжной подъем, и это скоро изменило расстановку сил. Бегуны стали выбывать из соревнований. Первым из лидеров на 23-м километре сошел с дистанции Блейк, а на следующем километре худо пришлось Лермузо.

Правила первого олимпийского марафона были либеральными, и бегунам не возбранялось пользоваться посторонней помощью. Лермузо она крайне пригодилась. Его растерли спиртом, и он снова включился в гонку, конечно, уже не в числе претендентов на победу.

После 25 километров лидеры шли в таком порядке: Луис, Флэк, Кельнер, Василакос, причем Флэк явно выдыхался, истощенный теми усилиями, которые ему пришлось приложить в течение четырех предшествующих дней. Он упал, пробежав 37 километров.

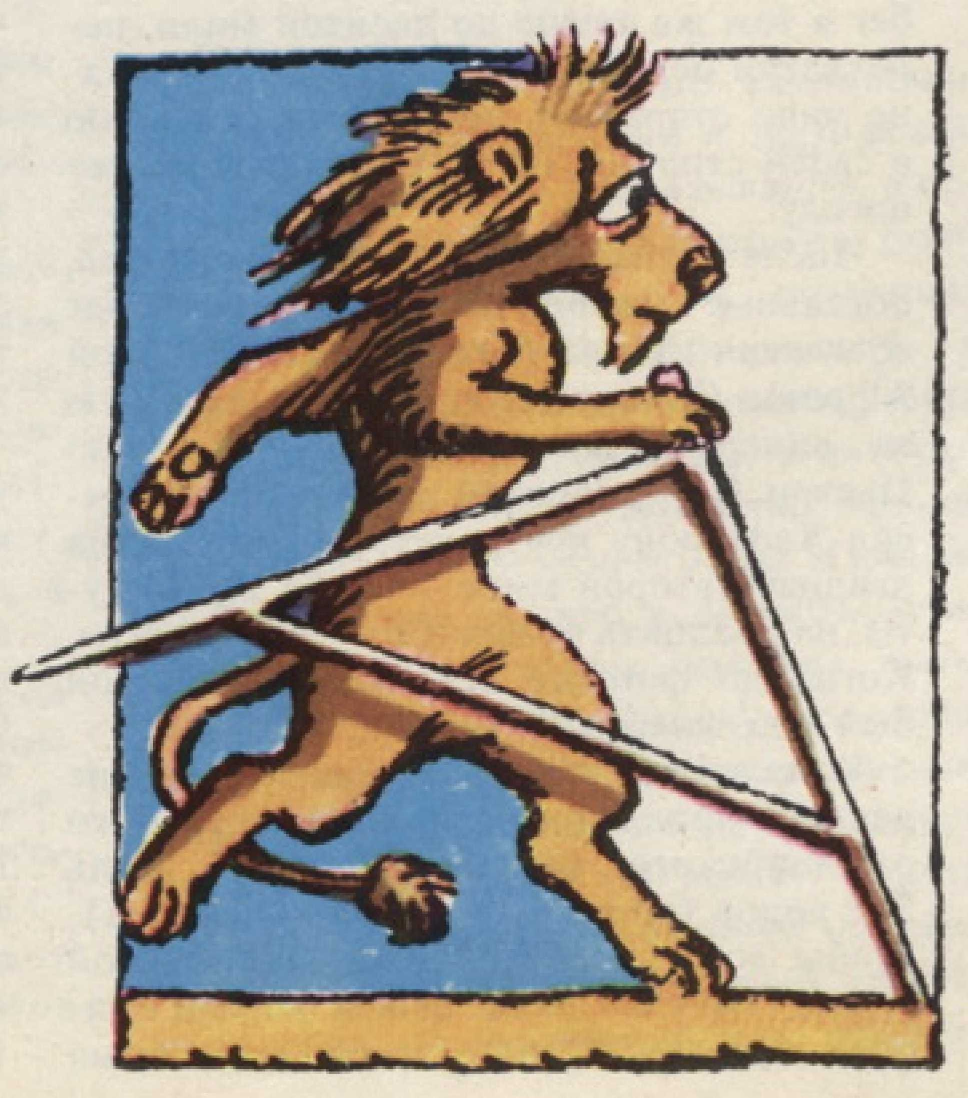
Чтобы победить, Луису теперь было достаточно дотянуть до финиша, и потому майор греческой армии, тот самый, который дал старт бегунам, на лошади поскакал в Афины, чтобы предупредить находившегося на стадионе короля Георгия I о предстоящем национальном триумфе.

Стадион кипел. Пушечный выстрел, возвестивший о том, что Луис вбежал в городскую черту Афин, привел зрителей в бурный восторг, и когда на стадион въехал на белом коне майор, вся семидесятитысячная толпа вскочила на ноги. И вот наконец все смогли увидеть то, о чем майор сообщил королю: Луис, хрупкого сложения молодой человек, покрытый дорожной пылью, пошатываясь от изнеможения, вбежал в мраморные ворота стадиона. Только через семь минут после него финишировал Василакос, третьим был еще один грек — Белокас, а четвертым Кельнер — единственный иностранец, сумевший закончить дистанцию.

Однако торжеству греков не суждено было стать полным. Кельнер подал протест, утверждая, что не видел, как Белокас обошел его на дистанции, и что, стало быть, последний проехал один из участков в экипаже, чтобы потом вновь включиться в соревнования. Поэтому он пришел к финишу третьим. Протест был рассмотрен лично кронпринцем, который, обнаружив, что венгр прав, лишил Белокаса третьего места.

Так или иначе, но на первой Олимпиаде медали за третье место все равно не присуждались. Любопытно и то, что победитель получал не золотую, как теперь, а серебряную медаль, почетный диплом и венок из оливковых ветвей.

После 2 часов 58 минут и 50 секунд, за которые Спиридон Луис пробежал марафонскую дистанцию, он стал национальным героем. И если следовать определению профессионализма, данному в олимпийских правилах, Луис очень быстро превратился в профессионала. Он принял предложение одного афинского парикмахера бесплатно бриться у него до конца дней своих, а также два других дара — пожизненное право бесплатно приобретать одежду для своего гардероба и 2 тысячи фунтов шоколада единовременно. Возможность выбрать приз предоставил Луису и король. Он выбрал лошадь и повозку, чем и открыл свой секрет. Оказывается, Луис не был простым крестьянином. У него была своего рода фирма по доставке пресной воды из его родной деревушки Амаруссион в Афины. Каждый день он бежал рядом со своей старой повозкой туда и обратно, и его ежедневный пробег составлял 28 километров. Он был, таким образом, самым подготовленным из всех участников соревнований.



Сам Луис никогда больше не участвовал в марафоне, однако тот, что он выиграл, возбудил интерес к этим состязаниям, который быстро охватил сначала Европу, а затем и Северную Америку. В спорте появился новый вид, а слово «марафон» приобрело новое значение. Теперь это была не просто невероятно длинная дистанция, а проверка человеческой выносливости, и нашлось немало желающих принять вызов.

Нам известно немногое о том, как тренировались пионеры марафона. К примеру, газеты того времени сообщали, что победитель третьего, бостонского марафона Лоренс Бриньолиа при подготовке к забегу тренировался целых три дня, а перед стартом... плотно поел! Поразительно, что он вообще финишировал в тот раз. Возможно, его спасла выносливость, которую он приобрел, занимаясь греблей — своим основным видом спорта. Год спустя, когда он снизошел до того, чтобы уделить подготовке «целый месяц», он улучшил результат более чем на час.

Главное неудобство для бегунов того времени заключалось в плохой экипировке. Тогда полагали: выдержать тяготы марафонской дистанции можно только в том случае, если тело сохраняет тепло. Поэтому даже в жаркую погоду спортсмены выходили на старт в рубашках с длинными рукавами и брюках до колен, а в более прохладные дни было принято надевать длинные тренировочные брюки. Среди бегунов имело хождение и другое ошибочное мнение: на дистанции не следует ничего пить, кроме небольшого количества крепкого мясного бульона. Бронзовый медалист Олимпиады 1908 года Джо Форшоу писал: «Я понял на собственном опыте, что можно пройти всю дистанцию с вполне хорошим временем, не взяв в рот ни капли воды и даже без смачивания головы».

Сегодня, после более чем 80 лет проб и ошибок, стало ясно, что одеваться следует куда легче и что регулярно пить во время соревнований не только желательно, но и насущно необходимо. Прекрасно известно, что потеря жидкости с пóтом значительно поднимает температуру тела и может привести к тепловому удару. Поэтому теперь большинство марафонцев регулярно пополняют запас жидкости во время соревнований.

Вторая Олимпиада была неудачей во всех отношениях. Основатель современного олимпийского движения де Кубертен с горечью признавался своим друзьям, что не понимает, как его идеал смог выжить после всего случившегося.

Начать с того, что власти Парижа очень неохотно приняли на своей территории Олимпийские игры. Спортивные состязания растянулись на несколько месяцев и проводились на стадионах, разбросанных в разных концах города. Участники соревнований пропускали финальные старты, потому что не знали о внезапных изменениях программы, случалось, спортсмены в буквальном смысле дрались за победу у финишной черты, я сам знал человека, который, умирая 68 лет спустя, был твердо уверен, что стал серебряным призером, хотя на самом деле выбыл из борьбы в полуфинале.

Марафон стал апофеозом этого хаоса. Он даже не назывался официально олимпийским марафоном. Парижская печать окрестила его «Тур де Пари». Неудивительно, что француз-победитель, подручный булочника Мишель Тетó, узнал, что он стал олимпийским чемпионом, только двенадцать лет спустя! Когда Тетó сообщили, что он — чемпион Олимпиады, он припомнил, как в 1900 году бежал по Парижу в удушающую жару (термометр в тот день показывал 39 градусов Цельсия) и что он финишировал с результатом 2 часа 59 минут 45 секунд, то есть худшим, чем у Спиридона Луиса. Известие о причитающихся ему лаврах Тетó воспринял с искренним удивлением.

И все же марафон начал пробивать себе дорогу. К несчастью, соревнования нередко окружала скандальная атмосфера. Олимпиада 1904 года не была исключением. Снова, как и в Париже, было слишком жарко (32 градуса Цельсия), дистанция пролегала по пыльным немощеным дорогам среди холмов, а единственным источником воды был колодец через 12 миль после старта. Мучения спортсменов были невыносимы. Один из бегунов — калифорниец Гарсия — был срочно доставлен в больницу, и его с трудом удалось спасти.

Сегодня трудно поверить, но кубинец Феликс Карвахаль вышел на старт в рубашке с длинными рукавами, брюках, тяжелых уличных башмаках и берете. Один из зрителей ножницами помог ему укоротить брюки, но все равно его экипировка была столь неподходящей для соревнований, что невозможно понять, как сумел он продержаться до финиша и более того — прийти четвертым.

Однако настоящий скандал разразился из-за Фреда Лорца из Нью-Йорка, опытного марафонца. В самом начале он лидировал, однако на девятой миле судорога заставила его сойти с дистанции и пересесть в автомобиль.

С десяток миль он с комфортом проехал, пока не произошла другая неожиданность — сломался мотор машины. К тому времени Лорц полностью пришел в себя и решил сначала просто добежать до стадиона, а потом шутки ради и вбежать на спортивную арену. Ничего себе шутка! Она вполне могла бы разбить сердце подлинному лидеру забега Тому Хикксу, когда тот увидел, что его непринужденно обошел свежий и полный сил соперник и без особых усилий преодолел даже два последних подъема перед финишем.

Что касается самого Хиккса, то еще за десять миль до финиша он был близок к тому, чтобы упасть без сил, однако его ассистенты не только не позволили ему ни глотка воды, но и не дали ни малейшей передышки. С пепельно-серым лицом, едва перебирая ногами, он мог лишь наблюдать, как мимо него буквально пронесся Лорц.

Шутка Лорца зашла слишком далеко. Он вбежал на стадион, утомленный не более, чем зрители, был увенчан лаврами победителя и сфотографирован с Элис Рузвельт — дочерью американского президента.

Через пятнадцать минут на финишной прямой появился пошатывающийся Хиккс. Только когда были объявлены результаты, судьи, которые сопровождали Хиккса по дистанции и знали, что победил именно он, набросились на Лорца. Он был дисквалифицирован и вычеркнут из списка участников соревнований. А через несколько дней Любительский легкоатлетический союз пожизненно отлучил Лорца от любительского спорта.

Пожизненный «приговор» был пересмотрен всего восемь месяцев спустя, когда Лорцу дали возможность объяснить свой поступок, и спортивные руководители увидели забавную сторону происшествия. Он ведь не собирался никого обманывать, уверял Лорц. Его просто ошеломила, сбила с толку торжественная церемония, центром которой он оказался, едва вбежав на стадион.

Когда в 1908 году столица Олимпиады переместилась в Лондон, проведение марафонского забега вновь столкнулось с трудностями. Жара и высокая влажность превратили это состязание, которому суждено было стать самым нашумевшим в истории марафона, в отчаянную борьбу спортсменов за выживание.

Причем на этот раз бегуны сами осложнили себе жизнь, взяв слишком высокий темп. Англичанин Джек Прайс вел в течение трех миль остальных 56 участников по графику, близкому к пяти минутам на милю. Другой его соотечественник, Фред Лорд, принял вызов и вел забег в том же темпе до десятой мили, перехватив первенство у Прайса. Англичане явно старались произвести сенсацию в своей столице, но не приняли в расчет погоду.

После пятнадцатой мили Прайс сошел, остальные англичане отстали, а забег возглавил Чарлз Хеффрон из Южной Африки. Однако все это время вплотную за лидерами шел итальянец Дорандо Пьетри. На двадцатой миле он проигрывал Хеффрону почти четыре минуты, на двадцать второй миле — всего 2,5 минуты, на двадцать четвертой — две минуты. Когда до финиша оставалась миля, он был уже впереди.

К несчастью для итальянца, англичане решили продлить дистанцию четвертого олимпийского марафона до 26 миль 385 ярдов (то есть до 42,195 километра), чтобы довести ее до ложи королевской семьи. Титулованные особы хотели сначала наблюдать за стартом с балкона Виндзорского дворца, а затем присутствовать при финише и притом так, чтобы финишная черта приходилась прямо против королевской ложи на стадионе «Уайт сити». Двадцать шесть миль, длина марафонской дистанции в тот год, кончались у ворот стадиона. Поэтому пришлось добавить еще 385 ярдов (периметр беговой дорожки «Уайт сити» равнялся почти 600 ярдам, или 536 метрам). Эти-то 385 ярдов чуть не прикончили Пьетри.

Вбежав с асфальта на гаревую дорожку стадиона, он потерял ориентировку и упал напротив главной трибуны. Со всех сторон к нему на помощь устремились люди. Его подняли, и он снова побежал, нетвердо переступая ногами. На повороте он упал еще дважды. Его облили водой, однако при выходе на финишную прямую он упал снова. А буквально на линии финиша он повалился еще раз и попал в объятия подхватившего его Джека Эндрю — секретаря спортивного клуба «Политекник харриерз», которому была поручена организация забега.

Пьетри финишировал первым, но был дисквалифицирован за постороннюю помощь при пересечении финишной линии. Джек Эндрю настаивал, что действовал правильно, поскольку оказал помощь Пьетри по приказу главного врача соревнований. Ясно, что итальянца следовало бы снять с дистанции сразу же после первого падения и избавить от дальнейших мучений. Два с половиной часа после финиша он был на грани жизни и смерти.

Победителем же был признан американец Джон Хейес, который финишировал на полминуты позже.

В двадцатые годы марафон окончательно превратился в специальную легкоатлетическую дисциплину со строгими правилами и нормативами. Всевозможные помощники и наставники, сопровождавшие бегунов на дистанции, были устранены. Исчез и налет профессионализма, начавший появляться в годы перед первой мировой войной. Важно и то, что марафон наконец стал дистанцией постоянной длины. Сегодня уже никто не может сказать, почему Международный олимпийский комитет решил, что злосчастная дистанция 1908 года — 26 миль 385 ярдов (или 42 километра 195 метров) должна навсегда стать стандартной дистанцией марафона. Такое решение представляется наименее логичным, потому что, как мы помним, это расстояние было выбрано только для того, чтобы осчастливить английскую королевскую семью.

Как бы то ни было, но МОК предписал, чтобы для марафона 1924 года в олимпийском Париже была проложена «английская» дистанция. Постепенно на новый стандарт перешли организаторы всех наиболее крупных соревнований. С тех пор только однажды марафонский забег проходил по нестандартной дистанции. Это случилось тоже в Англии в 1972 году, когда автомобиль, который вел участников по дистанции, сбился с пути.

Перевел с английского И. МОНИЧЕВ

ИСТОРИЯ популярной музыки в фотографиях

ФЭТС ДОМИНО

ЭЛВИС ПРЕСЛИ

ДЖЕЙМС БРАУН

РЭЙ ЧАРЛЗ

ЛИТТЛ РИЧАРД

ЧАК БЕРРИ

СЭМ КУК

БРАТЬЯ ЭВЕРЛИ

ДЖЕРРИ ЛИ ЛЬЮИС

БАДДИ ХОЛЛИ

РОВЕСНИК

ИМЯ ЛЕННОН ОБЯЗЫВАЕТ

В редакцию поступают многочисленные вопросы, связанные с тем, что в нашей прессе появились сообщения, будто ансамбль «Битлз» решил воссоединиться, а место Джона Леннона должен занять его старший сын Джулиан. Подтверждения этим сообщениям нет, более того, в интервью американскому еженедельнику «Виллидж войс» Джулиан Леннон опроверг это предположение, бытовавшее и в американской прессе. Впрочем, об отношении к идее воссоединения самих бывших участников ансамбля вы, вероятно, уже читали в опубликованном «Ровесником» в первом номере за этот год интервью Пола Маккартни.

Вполне понятные надежды поклонников на то, что «Битлз» снова будут вместе, рухнули в тот день, когда был убит Джон Леннон. Но они возродились вновь, когда вышла в свет первая долгоиграющая пластинка Леннона-младшего. Может ли Джулиан — хотя бы гипотетически — занять место отца в ансамбле или на рок-сцене? Американский журналист Энтони де Куртис высказывает свой взгляд на этот вопрос, но его мнение отнюдь не окончательное: Джулиан молод, все впереди.

Энтони де КУРТИС

Первая пластинка Джулиана Леннона, «Валотт», вышла в 1984 году. Валотт — небольшой замок в Нормандии, который старый друг Джона Леннона, Фил Рэмон, превратил в студию грамзаписи. Узнав о намерениях Джулиана записать сольный альбом, Рэмон пригласил его к себе и даже предложил свои услуги в качестве продюсера. Руководство опытного Рэмона сделало свое дело: «Валотт» получился если не совсем виртуозным и мастерским, то, по крайней мере, интересным. Какой бы ни была каждая песня в отдельности, в целом возникает ощущение того, как сын, втайне боготворящий отца и тщательно скрывающий свою любовь от посторонних, пытается взглянуть критически на объект своего обожания. Поэтому элемент фантасмагории, присутствующий в музыке и текстах этой пластинки, кажется вполне оправданным: сменяющие друг друга обрывки воспоминаний, ускользающие призраки прошлого — это и есть детство Джулиана, прошедшее под аккомпанемент оваций и негодующих воплей, сопровождавших бурный взлет Джона. Джулиан делает попытку разобраться в мучающих его противоречиях: мы видим страстное желание найти себя, определить свое я. Для этого альбома характерен ровный и уверенный оптимизм, который сделал бы честь и зрелому мастеру — оптимизмом дышит композиция «Мы слишком поздно познакомились», спокойной уверенностью пронизана и достаточно серьезная композиция «Джесси», в которой Джулиан старается найти свое решение проблемы наркомании среди молодежи.

Конечно же, большое значение имело общение Джулиана Леннона с мастером рок-музыки Рэмоном: Фил тщательно пресекал любые проявления юношеского экстремизма. Над своим вторым альбомом, вышедшим в прошлом году,— «Тайный смысл грез», Джулиан уже работал сам, вместе со своей группой (Джастин Клэйтон — гитара, Кармине Рохас — бас, Алан Чайлдс — ударные, Чак Кентис — клавишные, Фрэнк Илмоу — саксофон). И тут приходится сказать: к сожалению. Видимо, ему еще необходим опытный и умелый наставник. Конечно, Джулиану трудно отрешиться от воздействия творчества своего отца, может быть, это ему никогда и не удастся: он обречен до конца дней своих на сравнение с отцом. Именно поэтому ему вряд ли стоит брать на вооружение музыкальные приемы Джона и темы, которые тот поднимал в своем творчестве.

Джулиану присущ сарказм Джона, но, к сожалению, у сына сарказм становится самоцелью. Подросткам, не знающим, что такое Джон Леннон в гневе, подобная манера импонирует. Но здесь я должен сказать, что в отличие от всяких паяцев, которыми изобилует современный рок, у Джулиана огромная ответственность, и не только перед сверстниками, но и перед старшим поколением, в сердцах которого живет его отец — имя Леннон обязывает.

См. стр. 25 — на ней представлены музыканты, с которых, как считают эксперты по данному вопросу, и начинался рок-н-ролл.

Элвис ПРЕСЛИ (1935—1977). Как бы ни относились критики и публика к его творчеству, Пресли был первым, кто соединил традиции белой кантри-музыки и черного ритм-энд-блюза, в результате чего и родился рок-н-ролл. «Ровесник» писал о Пресли в № 6 за 1976 год.

Чак БЕРРИ (родился в 1926 году, впрочем, по другим источникам — в 1931 году, сам он хранит на этот счет молчание) ввел в обиход типично «рóковые» движения, позы гитаристов («Ровесник» № 4 за 1983 год).

Литтл РИЧАРД (год своего рождения также указывает по-разному — то ли 1932-й, то ли 1935-й). В числе его самых знаменитых произведений — песня «Тутти-Фрутти». После шумного успеха на ниве рок-н-ролла, стал... священником («Ровесник» № 4 за 1983 год).

Рэй ЧАРЛЗ (1930 год) — выдающийся пианист и певец, продолжатель традиций негритянских блюзов и госпелз. У него учились многие современные музыканты, он по-прежнему работает.

Фэтс ДОМИНО (1929 год) развивал традиции нью-орлеанского ритм-энд-блюза, двадцать три его сингла получили статус «золотых».

Мелодичные песни Бадди ХОЛЛИ (1938—1959) стали прототипом рок-песен следующего поколения, оказали большое влияние на творчество «Битлз» («Ровесник» писал о нем в № 4 за 1983 год).

Джерри Ли ЛЬЮИС (1935 год) начинал как исполнитель кантри-музыки, потом переключился на рок-н-ролл, был одним из первых типично «рóковых» пианистов. Позже вернулся в кантри, выступает и до сих пор.

Джеймс БРАУН (по одним рок-энциклопедиям — родился в 1928 году, по другим — в 33-м, по третьим — в 1935 году, кстати, повод подумать, о каких «неточностях» в датах, названиях пластинок может идти речь) — ныне один из ведущих исполнителей соул-музыки.

Песни Сэма КУКА (1935—1964) надолго пережили своего создателя. Первая его знаменитая вещь «Ты отсылаешь меня» вышла в 1957 году и по сей день входит в репертуар многих исполнителей. Ее до сих пор поют братья ЭВЕРЛИ, Дон и Фил. Их первый собственный хит «Прощай, любовь» также появился в 1957 году. Братья были очень популярны в начале шестидесятых, их песни исполняли Боб Дилан, «Битлз». Потом они работали каждый по отдельности, но несколько лет назад вновь объединились, выпускают пластинки — и довольно успешно, сотрудничают со многими известными музыкантами, в том числе с Полом Маккартни. Кстати, материал о возрождении «старых» групп читайте в этом номере «Ровесника».

«Я ВЕРЮ В ТРАДИЦИИ, НО ЕСЛИ ИХ НАРУШАЮТ»

По результатам опроса, проведенного французской прессой в связи с выходом «Диска рекордов» — в нем собраны 36 лучших французских песен последних десятилетий,— наследником традиций французского шансона, традиций Жака Бреля и Эдит Пиаф, назван Мишель САРДУ. Предлагаем интервью с этим певцом, которое взяла французская журналистка Ирэн ФРЭН.

— Французы не в первый раз называют вас продолжателем традиций французской песни. Традиции живы, но аудитория отечественной песни многократно уменьшилась. Ваши удачи на сцене приобретают на этом фоне какое-то особое звучание!

— Успех одного исполнителя еще не показатель интереса публики к какому-то жанру. Хотя я бы не стал преувеличивать трудности, которые переживает наша песня. Потребление песенной продукции огромно, и перед спросом на нее мы робеем. Мы не научились продавать свою песню, потому что не хотим учиться доверять себе. На теле- и радиостанциях составители программ уверены только в том, что идет из Соединенных Штатов, наивность, с какой они принимают все, что идет оттуда, граничит с гротеском. А такие люди занимают ключевые посты.

Кроме того, в эстраде воцарился дух снобизма: многие журналисты, не знаю, чьи настроения отражая, может быть, только свое собственное, практикуют настоящий расизм по отношению к исполнителям не-рока. Рок-н-ролл не более философичен, чем ре-минор или ми мажор. Тот, кто утверждает обратное, я уверен, просто сноб, но это недоказуемо. Рок может быть таким же идиотским, как некоторая пошлая эстрада. Но, хотя я и человек отнюдь не левых убеждений, мне смешны и те, кто, схватив сине-бело-красный флаг, рвется в крестовый поход за французскую песню.

— То есть, вы считаете, что поднимать песню официальными мерами бессмысленно!

— Да. Просто профессия исполнителя стала теперь труднее, чем была когда-то. Но это значит, что нужно быть верным главному принципу: оставаться всегда самим собой. Если хотеть быть модным или признанным, хотя это и разные вещи, любой ценой — пиши пропало. Лично меня не беспокоит появление новой музыки, которая каждый раз все опрокидывает, все сводит на нет. Я убежден, что, как и двадцать лет назад, когда я начинал, так и сегодня волшебство песни заключается в том, чтобы оставить в ней для слушателя место, где бы он мог свободно импровизировать. Люди вроде меня поют лишь для того, чтобы рассказать слушателю историю, которую каждый, в сущности, может рассказать о себе. И каждый слушает ее для того, чтобы суметь придумать ей конец. Словом, публика раскрывает себя, поет со мной.

— Но молодым певцам приходится пробивать себе дорогу, а тем, кто уже на сцене,— отстаивать свое право выхода на нее.

— Причины, по которым певца забывают,— загадочный феномен. Разве кто-нибудь может похвастаться тем, что знает, отчего в нем разочаровался слушатель: я имею в виду настоящего певца. Может быть, оттого, что слушатель ждет от певца большего, чем тот дает?

Зато я твердо знаю, чего нельзя делать, чтобы реанимировать популярность исполнителя! Можешь ставить на себе большой крест, если решишь, что тебе следует понравиться какой-то определенной части аудитории. Что меня действительно беспокоит во французской песне, так это то, что она стремится во что бы то ни стало нравиться 15—18-летним, якобы это условие успеха.

— Говорят, устами младенцев глаголет истина...

— Это особенно верно для песни, потому что она — мир подростков. Но нельзя же считать подростков идиотами. Этот возраст чувствителен к форме и к поэзии. Но вместе с тем он — само непостоянство, и в этом его правда. Их непостоянство и толкает исполнителя на риск. Радио и телевидение тоже сломя голову несется в эту ловушку. 15—18-летние становятся старше и забывают тех, кто старательно подлаживался к ним.

— Вы скептически смотрите на успехи молодых исполнителей!

— Творческий мир молодых исполнителей теперь значительно шире, чем он был у меня, когда я начинал. Отлично. Но молодые исполнители сегодня — это поколение метеоров. Двадцать лет назад у певца было время найти себя. Вот та сторона французской песни — и не только французской, которая меня волнует больше всего: наша профессия стала гипериндустриальной. Успех, даже огромный успех — еще не гарантия выживания на сцене. У песни стала короткая жизнь. Молодые исполнители принимают это как аксиому и не стремятся петь песни более сложные, могущие претендовать на выживание.

— У вас на этот предмет есть свой план сражения!

— К счастью, в моем ремесле есть высшая справедливость — волшебная верность публики песне. В песне есть то, чего нет ни в одном другом искусстве, ни в живописи, ни в литературе: человек идет на концерт именно этого исполнителя, потому что он заранее знает, что он хочет услышать. Он готов к этому певцу и именно в этот вечер. Такая готовность слушателя и помогает исполнителю преодолевать свои трудности.

— Считаете ли вы необходимым, чтобы певец периодически обновлял свой сценический образ — меняется же публика...

— Я всегда считал, что публике нужно показывать себя настоящего. Ценности, о которых рассказывается в моих песнях, тоже настоящие, я в них верю. Сценический образ — роль, которую нельзя играть бесконечно долго. Рано или поздно публика почувствует, в чем именно ее обманывают. В моих песнях я пою всегда от первого лица. Я считаю, это самое важное — вкладывать себя в песню.

— Говорят, вы в своих песнях так или иначе обращаетесь к истории Франции.

— Верно. Я считаю, что существует историческая песня — «историческая» это не обязательно о чем-то далеком,— как существуют, например, исторические романы. Разница в том, что певец может позволить себе менее строго, нежели писатель, придерживаться хронологии. В истории я предпочитаю периоды революций, когда все пробуется на излом.

— Представим, что вы продюсер. Кого бы взяли под свою опеку!

— Людей, которые могут быть одновременно и исполнителями, и авторами песен. Я бы искал таких, кто не вписывается в салонную мебель, кто не боится своими песнями заставлять слушателя поступать по-своему.

— Не очень вяжется этот образ с привычным Сарду! Разве традиция, по-вашему, не условие, необходимое для того, чтобы французская песня выжила!

— Я верю в традиции, но при условии, что их нарушают! Сам я всегда отказывался писать песни «под кого-то». Время на каждую песню действует по-разному. Одни переносят его легко, другие становятся невыносимыми для слуха. К счастью, для французской публики по-прежнему существует магия слова. В этом ее огромное преимущество перед Америкой. Мы не забыли, что такое чувства.

Перевел с французского В. СЕРГИЕВСКИЙ

«Манкиз» «старые» (то есть молодые): верхний ряд слева направо — Дэви Джонс, Мики Доленц; нижний ряд слева направо — Майк Несмит, Питер Торк (внизу).

«Манкиз» «новые» (то есть старые): слева направо — Мики Доленц, Питер Торк, Дэви Джонс.

«ЗНАЕТЕ, СЕГОДНЯ И БАБУШКА ПРИШЛА!»

Дэвид УАЙЛД, американский журналист

Когда американские хит-парады провозгласили триумф таких групп, как «Манкиз», «Муди блюз» и «Бостон», стало ясно, что грехи прошлого прощены. Рок-публика повернулась назад, к семидесятым — а то и раньше — годам. Некоторые называют середину семидесятых «мрачной эрой», и есть за что: закат старых групп, могучих «динозавров» (как принято называть «Лед зеппелин», «Дип перпл» и других), расцвет дурного вкуса: Англию брал приступом панк-рок. Правда, подавляющее большинство американских подростков встретило панк полнейшим безразличием, но пластинок были изданы горы. И все же панк не оставил после себя ни одного серьезного исполнителя, могущего хотя бы издали замахнуться на титул суперзвезды (а «суперзвездности» хотелось, ох как хотелось, хотя ее тоже вменяли в вину «динозаврам»). К началу восьмидесятых «классический рок» стал производить впечатление благополучного старца — наманикюренный, завитой, благоухающий дорогой помадой, он, казалось, способен был лишь на воспоминания о былых подвигах.

И все же 1986 год доказал, что тот рок жив. Свидетельство тому — наступление «стариков». По волнам эфира ползет ностальгия, прилавки ломятся под давно забытыми пластинками, и хит-парады пестрят именами «динозавров». Популярность «Венеры» (песня голландской группы «Шокинг блу».— *Примеч. пер.*), какой она была пятнадцать лет назад, меркнет перед тем успехом, который сопровождает эту композицию сегодня. Да разве одна только «Венера»! Слушатель радостно топает ногами при звуках «Лестницы в небо» (песня группы «Лед зеппелин», написанная в 1971 году), «Джампинг Джек флэш» (композиция «Роллинг стоунз» двадцатилетней давности) — она и многие другие прорвались в таблицы популярности, причем часть этих композиций звучит так же, как и прежде, иные предстают в несколько видоизмененной форме, которую можно вполне считать новой. Большинство музыковедов отмечают, что в конкурентной борьбе прошлого и настоящего первое одерживает верх: недавно переизданная запись «Битлз» 1962 года «Твист энд шаут» вновь занимает первое место, потеснив свежее творение Маккартни.

Наверное, на скрижалях рока 1986-й будет отмечен как год самых непредсказуемых реанимаций — воскресли группы, о которых все уже и думать забыли. Английский ансамбль «Муди блюз» снова в строю. В очередной раз. (Группа несколько раз распадалась, прерывая при этом на довольно длительное время выпуск пластинок.— *Примеч. пер.*) Через двадцать один год после выхода их первого хита, «Теперь пора», и через девятнадцать лет после знаменитой композиции «Ночи в белом атласе» их новый альбом «Изнанка жизни» всего лишь за месяц приобрел «платиновый» статус. Группа успешно выступает с концертами, собирая полные залы поклонников, среди которых большинство — дети слушателей конца шестидесятых. Кейт Эмерсон и Грег Лейк рекрутировали нового барабанщика, имя которого — так уж повезло — начинается с П. Теперь уже это ЭЛП заставляет замирать от восторга стадионы, пропагандируя среди нового поколения молодежи идеи симфо-рока. «Харт» («Сердце») и «Космический корабль Джефферсона», две группы, лучшие дни которых, казалось, давно миновали, воссоединились и, к удивлению многих, выпустили такие пластинки, перед которыми меркнут все их старые заслуги, а они были! И наконец, «Бостон» — мелодичный хард-рок этой группы был откровением конца семидесятых — после восьмилетнего молчания вынырнули из забвения с новой пластинкой «Третья стадия» (по сквозной нумерации альбомов этот действительно третий.— *Примеч. пер.*).

Но самым впечатляющим оказалось возвращение на сцену группы «Манкиз», правда в ином составе — трое вместо бывших четверых. Мало того, что эти трое воссоединились (двадцать лет спустя после выхода в свет первой пластинки!), они сумели вызвать такой могучий всплеск интереса, равного которому рок-аудитория Америки давно не наблюдала. Новый пик популярности захватил даже тех, кто сумел проскочить его в 1966 году. К концу 1986-го опрос показал, что «новый» «Манкиз» и их заезженный баббл-гам-рок — именно то, чего, оказывается, не хватало публике все эти годы. Результатом ста-

ло переиздание всех старых пластинок группы (их было восемь.— *Примеч. пер.*) и, как закономерный итог, почетные места в хит-парадах. Музыканты настолько осмелели, что решились на запись новой песенки «Что было тогда, то же самое и сейчас». Мелодия кажется вырванной из самой середины шестидесятых, хотя это и не самоплагиат.

В декабре 1986 года фирма грамзаписи «Джеффен» организовала концерт, в котором приняли участие самые выдающиеся музыканты семидесятых,— пару лет назад такой концерт был бы невозможен из-за полного отсутствия интереса у публики. Сейчас один факт появления на сцене Стива Хэккетта (ранее член группы «Генезис») и Стива Хауи («Йес» и «Азия») вызывает гром аплодисментов — они же из «тех самых» семидесятых! Обломки «Космического корабля Джефферсона» повергают публику в совершеннейший восторг одними лишь именами — неважно, что они сейчас играют, важно, что когда-то эти музыканты были в составе знаменитой группы.

Итак, рок-н-ролл решил искать будущее в прошлом. Почему? Наверное, одна из причин в том, что ностальгия — неплохой бизнес. Учитывая последние демографические исследования аудитории, радиостанции переориентируются на тех, кому под тридцать, данные анализа говорят, что именно этот возрастной слой преобладает сейчас среди слушателей. Посему ведущие музыкальных передач усиливают давление «классического рока». Организаторы рок-концертов забираются в прошлое поглубже: они всячески искушают старых поклонников, обещая «стадионный рок» времен Вудстока.

Но эта музыка нравится не только облысевшим рокерам и респектабельным экс-хиппи. Подростки, возраст которых позволяет предположить, что родители не имели на них никаких видов в то прекрасное время (имеется в виду 1969 год, год фестиваля рок-музыки в Вудстоке.— *Примеч. пер.*), являются, пожалуй, главной составляющей процесса воскрешения.

«Во время гастролей,— говорит Энн Уилсон, участница группы «Харт»,— нас иногда заносит в самую глубинку — в маленькие городки где-нибудь в Аризоне или в Техасе. Там-то и живут истинные поклонники рока: мальчишки лет четырнадцати-шестнадцати. Для них чем больше в музыке «семидесятых годов», тем лучше. Новая музыка проходит мимо них, они ее не замечают. В больших городах все несколько иначе, но и здесь мы сплошь и рядом слышим: «О'кэй, новая музыка ничего, но я предпочитаю «Лед зеппелин».

«Удивительно,— говорит консультант ведущих радиостанций по вопросам молодежной культуры,— если в семидесятых вы запускали в эфир какую-нибудь штучку десятилетней давности, то большинство семнадцатилетних начинало ворчать: «Что они там, с ума посходили?» Сейчас все наоборот. Возраст музыканта и год выпуска пластинки подростков больше не интересуют — эта информация считается второстепенной, и потому к ней относятся безразлично. Им говоришь: «Но ведь ваши родители моложе большинства нравящихся вам рок-звезд!» А они отвечают: «Ну и пусть, зато эти парни знают, чего хотят, и знают, как делать музыку, которую хотят». А если их спросить про новые группы, вам ответят: «А, эти — да они же не умеют играть. Там все делают компьютеры и разные хитрые штуки». Для этих подростков старая музыка «настоящая», а модерн текущего момента — «чепуха», если не сказать более откровенно».

Ну и что? Да, миллионы подростков в сегодняшней Америке относятся с величайшим уважением к рок-музыке прошлого. Да, они предпочитают «динозавров» семидесятых — интересно, а что можно предложить взамен: честно говоря, мысль об открытом соперничестве «Оркестровых маневров в темноте» (модная группа, играющая в стиле синтез-поп) и «Лед зеппелин» кажется очень смешной. Да, нравится им рок семидесятых. А что в этом плохого? Оказывается, определенный вред все-таки есть. Как утверждает Джон Дэвид Кэлоднер, сотрудник фирмы грамзаписи «Джеффен», известный своей работой с такими группами, как «Форинер» и «Азия», подобная ориентация молодежной аудитории крайне опасна для новых групп: «Все чудесно: радиостанции крутят «стариков», со многими из них наша фирма возобновила контракты, но не дает покоя мысль — что же произойдет со следующим поколением рок-музыкантов? Меня вовсе не удивляет, что потенциальные поклонники новых групп выбирают себе кумиров в прошлом,— та музыка действительно достойна внимания: тогда не принято было приходить в студию, имея в арсенале два аккорда и сомнительный голос. Группы семидесятых редко когда были обласканы прессой, но они делали профессиональные пластинки и давали профессиональные концерты. Но меня удивляет, почему современная молодежь не хочет иметь, так сказать, свои собственные группы, свою собственную музыку? Вы можете возразить: а как же хэви метал-рок? Чепуха, эта музыка целиком заимствована из прошлого, поэтому ее при всем желании невозможно считать новинкой. Отсутствие своего — не вина этого поколения. Радиостанции восемьдесят процентов программ посвящают «классике рока», а оставшиеся двадцать уходят на «новый» «Бостон», «новый» «Дип перпл», «новый» «Манкиз».

Кэлоднер резонно сомневается в том, что вспышка ностальгии является следствием дефицита новых талантов: «Я могу привести немало примеров хороших новых музыкантов как на нашей фирме, так и на других. Но факт остается фактом: ровесники не хотят слушать их музыку. При всех вариантах выбор будет не в их пользу — и это беда молодых групп. Если подростки отказываются от их музыки, о какой реализации их пластинок может идти речь? Ведущие радиопрограмм, ориентируясь на модную ностальгию, отказываются знакомить публику с новыми именами, а без знания о них, без интереса к ним не может быть и концертов».

Кэлоднер не единственный обвиняет радиостанции в создании искусственной ностальгии. Даже Грег Лейк усматривает определенную опасность в таком резком повороте назад: «Подростки, с которыми я разговаривал во время наших последних гастролей, убеждены, что музыка прошлых лет сильнее воздействует на публику. Не могу сказать, что это мне очень льстит, тем более что я не сомневаюсь в способностях нынешней молодежи. Однако пробиться в эфир они не могут. Смею сказать с абсолютной уверенностью, что, если бы наш новый альбом («Ровесник» писал о нем в № 1 за этот год.— *Примеч. ред.*) не был разрекламирован радио, мы вряд ли смогли бы продать хоть один экземпляр».

Как сейчас шутят сотрудники фирм грамзаписи, радиостанции ориентируются не на саму музыку, а на степень ее древности. «Слушатели по собственному выбору сели на «диету рок-классики» типа «Лед зеппелин», «Дорз», «Роллинг стоунз» и «Битлз»,— говорит ведущий нью-йоркской музыкальной передачи «Рок-н-ролл».

В конце концов все сводится к извечной дилемме рок-н-ролла: радиостанции гоняют рок семидесятых потому, что подростки хотят его слушать, или подростки хотят слушать рок семидесятых потому, что его гоняют радиостанции?

Дэвид Фишоф, человек, который руководил воскрешением «Манкиз», считает, что у ностальгии по старому року есть гораздо более серьезные предпосылки: рок-музыка достигла такого состояния, что может быть развлечением не только для «детей», но и для «отцов». Фишоф пришел в рок-музыку шесть лет назад, мобилизовал старые группы и наводнил прилавки переизданиями пластинок; подыгрывая молодым покупателям, он выпустил часть тиража в новых конвертах, оформление которых учитывало и использовало возросшие за эти годы возможности полиграфии. Более того, он организовал всеамериканские гастроли «старичков», которые собрали неслыханный урожай слушателей и соответственно доходов.

«Рок-концерт — это зрелище, такое же, как цирк,— говорит Фишоф.— А хороший цирк гарантирует публике прекрасный вечер. Мы обнаружили, что многие любители хотели бы побывать

на настоящем рок-концерте, да только откуда же ему взяться, рок-концерту? Что, «Дюран Дюран» его сделают?! Думаете, публика пойдет смотреть «Рэтт», «Уэм!» или «Квайет райет»? Конечно же, нет. Во-первых, в этих группах играют дилетанты с плохим вкусом, а во-вторых, зритель хочет видеть авторитетную рок-звезду, настоящую. Концерты показали, что на них валом валят поклонники второго и даже третьего поколения, все эти маленькие девочки, которые тайком слушают пластинки «Манкиз» из коллекций своих матушек. Почему тайком? Потому что в кругу сверстниц это немодно. Гастроли по Америке подтвердили правильность предварительных прогнозов: восемьдесят процентов аудитории составляли слушатели в возрасте от тринадцати до восемнадцати, остальные — от двадцати пяти до... бабушек. Перед гастролями Мики Доленц (барабанщик и вокалист группы «Манкиз».— *Примеч. пер.*) сказал мне: «Дэвид, ну кому охота смотреть на сорокалетнего мужчину, который и попрыгать по сцене уже не может?» Я послал его к черту и велел прекратить нытье. Оказалось, что я был прав!»

Сами музыканты относятся к «омоложению» аудитории по-разному. «Достаточно странно видеть своих прежних поклонников рядом с их собственными детьми,— размышляет Грег Лейк,— но в конце концов в этом нет ничего плохого».

«Ты выходишь на сцену,— говорит Дэви Джонс (вокалист группы «Манкиз».— *Примеч. пер.*),— и вглядываешься в лица. Во втором ряду замечаешь леди, лет так примерно тридцати пяти, с десятилетним сыном. Они переглядываются, потом смотрят на тебя. И ты понимаешь, что они впервые пришли на такой концерт вместе. Меня восхищает их взаимопонимание: это не мать и сын, а просто два любителя рок-музыки. Сам при этом чувствуешь себя моложе. Однажды за кулисы пробрался мальчишка лет двенадцати, он сказал: «Моя мама очень любит вашу музыку, мне тоже она нравится, и вы мне очень понравились, знаете, сегодня и бабушка пришла!»

«Подавляющему большинству наших сегодняшних поклонников по пятнадцать-шестнадцать лет,— говорит Джон Лодж, участник группы «Муди блюз».— И это поразительно. Они намного моложе тех, на кого мы рассчитывали в 1967 году, записывая «Будущего не будет» (вторая пластинка «Муди блюз».— *Примеч. пер.*). Исполнять сейчас заглавную песню с этого альбома немного странно, не находите?»

Наверное, не стоит предрекать очередной моде на рок-музыку прошлого долгую жизнь. Такое уже бывало: в середине семидесятых наблюдался всплеск интереса к мелодиям пятидесятых, а новые, современные группы черпают вдохновение в созвучиях славных шестидесятых. С другой стороны, «классический рок» — альтернатива «искусству подделки», а в разговоре подростков все чаще проскакивает этот термин, который они применяют к рок-музыке восьмидесятых. Восьмидесятые в роке стали эрой суррогатов, чему в немалой степени способствовало распространение видеотехники и беспринципные хит-парады мусорных журнальчиков. Конвейер восьмидесятых выбросил на рынок Майкла Джексона, Мадонну и пр.— своим успехом они обязаны в первую очередь опытным парикмахерам и модельерам. Поклонники сходят с ума от прически Мадонны и маскарадного костюмчика Принца, о музыке же говорить просто не приходится.

«Группы конца шестидесятых и вплоть до второй половины семидесятых обладали ярко выраженной индивидуальностью,— говорит Грег Лейк.— Когда вы слушаете старых «Йес», «Лед зеппелин», «Пинк Флойд» или ЭЛП, вы прекрасно понимаете, ради чего вы их слушаете, и даже с закрытыми глазами точно знаете, кого вы слушаете. Сегодня же трудно сказать, кто есть кто».

Конечно, Лейк несколько утрирует. В конце концов, именно восьмидесятые дали нам настоящего Брюса Спрингстина, «Ю-2», а для более малочисленной, но не менее разборчивой аудитории — РЭМ, например. Но тем не менее поколение, воспитанное на музыке «Джетро Талл», поколение, которое еще в шестидесятых славилось своей непримиримостью ко всему старому и ветхому, оглядывается назад все в меньшем и меньшем гневе. Что же касается основных потребителей рок-музыки — подростков, то их реакция просто поразительна и понятна. У них нет музыки, которую они могли бы назвать своей, поэтому они прилепились к героям прошлого. Вместо того чтобы по старой рок-традиции отвергать все, что было до них, они по мере постижения сути музыки поворачиваются не в сторону «Калчер клаб», а к любимцам своих старших братьев и сестер и, что просто невероятно, родителей!

И ностальгия набирает обороты, и нет пока никаких признаков ее спада. Энн Уилсон, сама большая поклонница «Лед зеппелин», с некоторой долей замешательства рассказывает о том, как два ее племянника десятилетнего возраста дефилируют с плакатом «Лед зеппелин» жив!». А Рон Невисон, продюсер «Харт», ранее работавший с теми же «Лед зеппелин», «Космическим кораблем Джефферсона» и «Бэд компани», смущенно говорит, что любимая группа его младшей дочери «Пинк Флойд», а любимая композиция — «Бледный оттенок белого цвета» группы «Прокол харум»: «Когда я сказал ей, что она написана в 1967 году, Кэтрин лишь рассмеялась: «Что ты, папа, это же хит прошлого месяца!»

Перевел с английского В. ЛИПАТОВ

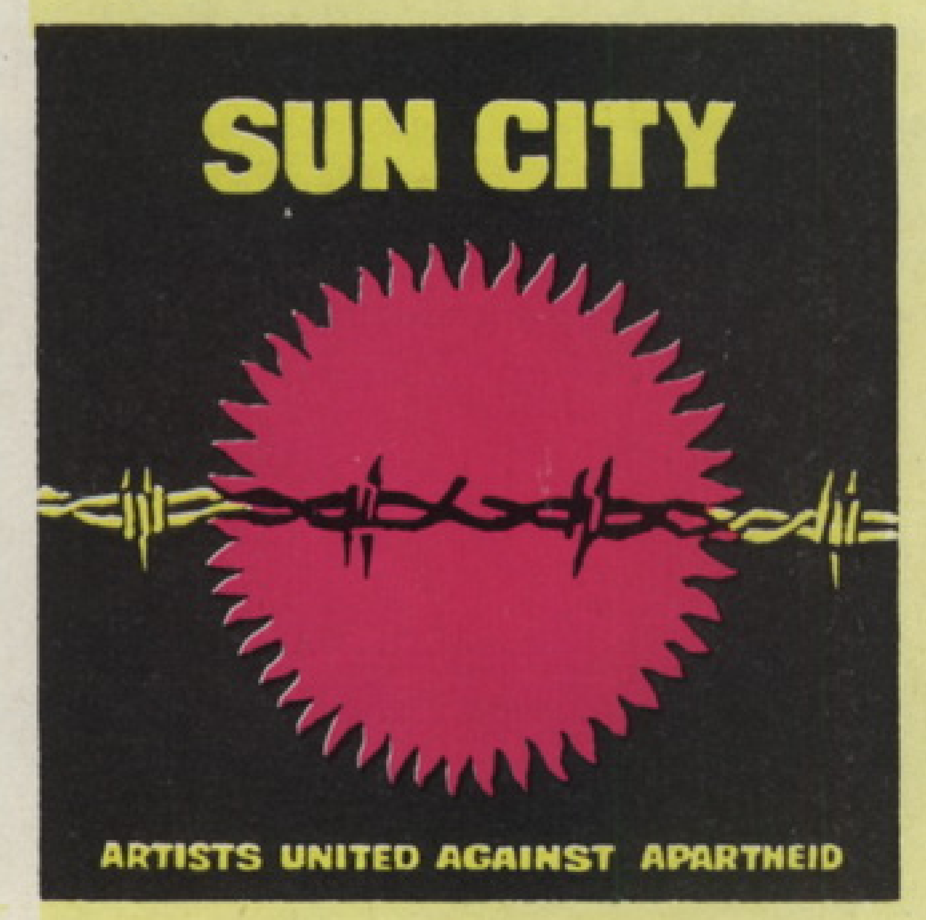
АНГЛИЙСКАЯ ГРУППА «АЙРОН МЭЙДЕН» («Железная дева» — так называлось одно из орудий пыток средневековой инквизиции) образовалась в 1977 году. Через два года вышла первая пластинка, «Любительская звукозапись», сразу же привлекшая к себе внимание органичным сочетанием элементов чрезвычайно жесткого хард-рока и арт-рока, явно навеянного композициями «Дип перпл».

Группа выпускала каждый год по пластинке, среди которых были и довольно необычные, например, «Убийцы» 1981 года — тематический альбом, в котором музыканты с гневом говорят о жестокости, о насилии, царящем среди изгоев капиталистического общества. В последующих работах эта тема стала доминирующей, музыканты подчеркивают свое отрицательное отношение к этому уродливому явлению и намеренно гротескным оформлением конвертов пластинок. Но надо сказать, что «Айрон мэйден» не ограничиваются всего лишь констатацией фактов. Так, в 1985 году группа включается в развернутую Оззи Осборном кампанию по борьбе с наркоманией — музыканты дали большой концерт, все средства от которого поступили в фонд борьбы с наркоманией (двойная пластинка с записью концерта называется весьма символично — «Загробная жизнь»).

В 1981 году происходит изменение состава: вместо прежнего вокалиста ди Ано появляется Брюс Диккинсон, ранее много работавший с диско-исполнителями.

Затем «Айрон мэйден» обновляется значительно (сейчас в группу входят Брюс Диккинсон — вокал, Дэйв Мюррей — гитара, Стив Харрис — бас, Адриан Смит — гитара и Нико Макбрэйн — ударные), что, естественно, повлекло за собой изменение и в музыке группы. В сентябре 1986 года выпущена новая пластинка «Где-то во

времени»: жесткость исчезает, все более отчетливо звучат элементы арт- и даже джаз-рока. Эта работа получила высокую оценку зарубежных музыкальных критиков, и, судя по реакции поклонников группы, переориентация «Айрон мэйден» им тоже пришлась по душе.



«Я НЕ БУДУ ВЫСТУПАТЬ В САН-СИТИ» — видеоролик песни с этим простым припевом был показан в программе ЦТ «Международная панорама». На экране мелькали лица исполнителей: трио «Ран Ди-Эм-Си», Пэт Бенатар, Джексон Браун, Питер Вулф, Лу Рид, Нона Хендрикс, Джордж Клинтон, Пит Таунshенд, Стив Баторс, многие другие. Целая «команда» знаменитых рок-музыкантов во главе со своим «капитаном» Стивом Ван Зандтом (Литтл Стивеном — Малышом Стивеном, как его иногда называют). Критики большинства музыкальных изданий США назвали «Сан-Сити» лучшей песней 1985 года.

Стив Ван Зандт начинал свою музыкальную карьеру в группе Брюса Спрингстина, в 1982 году выпустил свой первый сольный диск. Во время работы над альбомом Спрингстина «Рожденный в США» («Ровесник» писал о нем в № 6 за прошлый год) записывал свой второй собственный альбом — «Голос Америки». «Очень часто люди слышат лишь голос нашего правительства. Но нельзя судить обо всех американцах только по этому голосу»,— так комментировал Ван Зандт идею произведения.

«Я и горжусь тем, что я американец, и стыжусь этого,— говорил Ван Зандт в одном из интервью.— Я горжусь нашей конституцией. Но проблема в том, что сейчас этот документ оказался бесполезным, его положения не соблюдаются. После второй мировой войны Америка совершила немало страшных преступлений за рубежом, а они были бы невозможны, если бы американцы могли реально смотреть на жизнь. Чем больше я путешествую, тем больше понимаю, что у американцев какое-то однобокое представление о мире».

Решив работать самостоятельно, Ван Зандт оставляет группу Спрингстина и отправляется в путешествие... в Южную Африку: «Я давно хотел поднять в своем творчестве тему ЮАР, но прежде чем браться за нее, решил увидеть все своими глазами». В результате этого путешествия и родилась песня «Сан-Сити». В основе же ее лежит следующая история.

В 1968 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, призывающую к культурному бойкоту расистского режима ЮАР, и для некоторых западных исполнителей настали трудные времена. Им на помощь пришли юаровские власти, стремившиеся любой ценой доказать, что международная изоляция режима ничего не значит. Для этого на территории фиктивного «независимого государства Бопутатсвана» был построен Сан-Сити («город Солнца») — комплекс увеселительных заведений. Теперь бойкот как будто бы не нарушался: ведь концерты проходили не в самой ЮАР, а на территории «независимого государства». Иные ехали в Сан-Сити, прекрасно зная цену «независимости», но уж больно привлекательной была оплата. Но были и такие музыканты, кто искренне заблуждался, кого удалось обмануть этим пропагандистским трюком. И поначалу затея Ван Зандта была проста: написать песню о Сан-Сити, рассказать правду о «городе Солнца», призвать своих коллег не выступать там.

«Я давно хотел поднять свой голос против апартеида, но не знал, как это лучше сделать,— говорит знаменитый джазовый трубач Майлс Дэвис.— Поэтому, услышав об идее Стива, я обрадовался — вот повод». К записи подключились другие музыканты, возникла идея долгоиграющей пластинки. Вокалист ирландской группы «Ю-2» Боно написал для нее песню «Серебро и золото», продюсировать пластинку взялся Артур Бэйкер. Те, кто участвовал в записи пластинки и видеоролика, организовали также грандиозный концерт, средства от которого были переданы в фонд борцов против апартеида. И теперь уж вряд ли кто-то сможет оправдать свое выступление в Сан-Сити неинформированностью — название города стало нарицательным.

ПРИЗНАТЬСЯ, «Ровесник» был удивлен, увидев на телеэкране Саманту Фокс. С одной стороны, телепередач о зарубежной популярной музыке не так уж много, с другой — заслуживающих внимания исполнителей не так уж мало. Но выбирают для телепередач Саманту Фокс или музыкантов таких же, как она. А читатели спрашивают... Отвечаем. Некоторые зарубежные музыкальные издания считают англичанку Саманту Фокс «открытием» 1986 года. Но точности ради следует отметить, что Саманта Фокс уже была открыта ранее, правда, в ином качестве — как фотомодель, рекламирующая различные детали дамского туалета. Репортер западногерманского журнала «Браво» пытался получить ответ на вопрос, кто же все-таки Саманта Фокс — поп-звезда или фотомодель? «Пока публика проявляет интерес к звездам подобного рода, я буду делать и то и другое. И хотя вскоре выйдет долгоиграющий диск, я по-прежнему буду позировать для фотоснимков — надо пользоваться своими возможностями, мне ведь не всегда будет двадцать лет, как сейчас». На вопрос, как относятся родители к ее карьере поп-звезды и к появлению в довольно раскованных позах на фотографиях, певица ответила: «Это мама отправила мою фотографию, на которой я была наполовину обнаженной — мне тогда было 18 лет,— в журнал «Сан»: там требовались фотомодели. А папа стал менеджером моих записей и концертов. Так что недоразумений с родителями у меня нет».

Главный редактор А. А. НОДИЯ

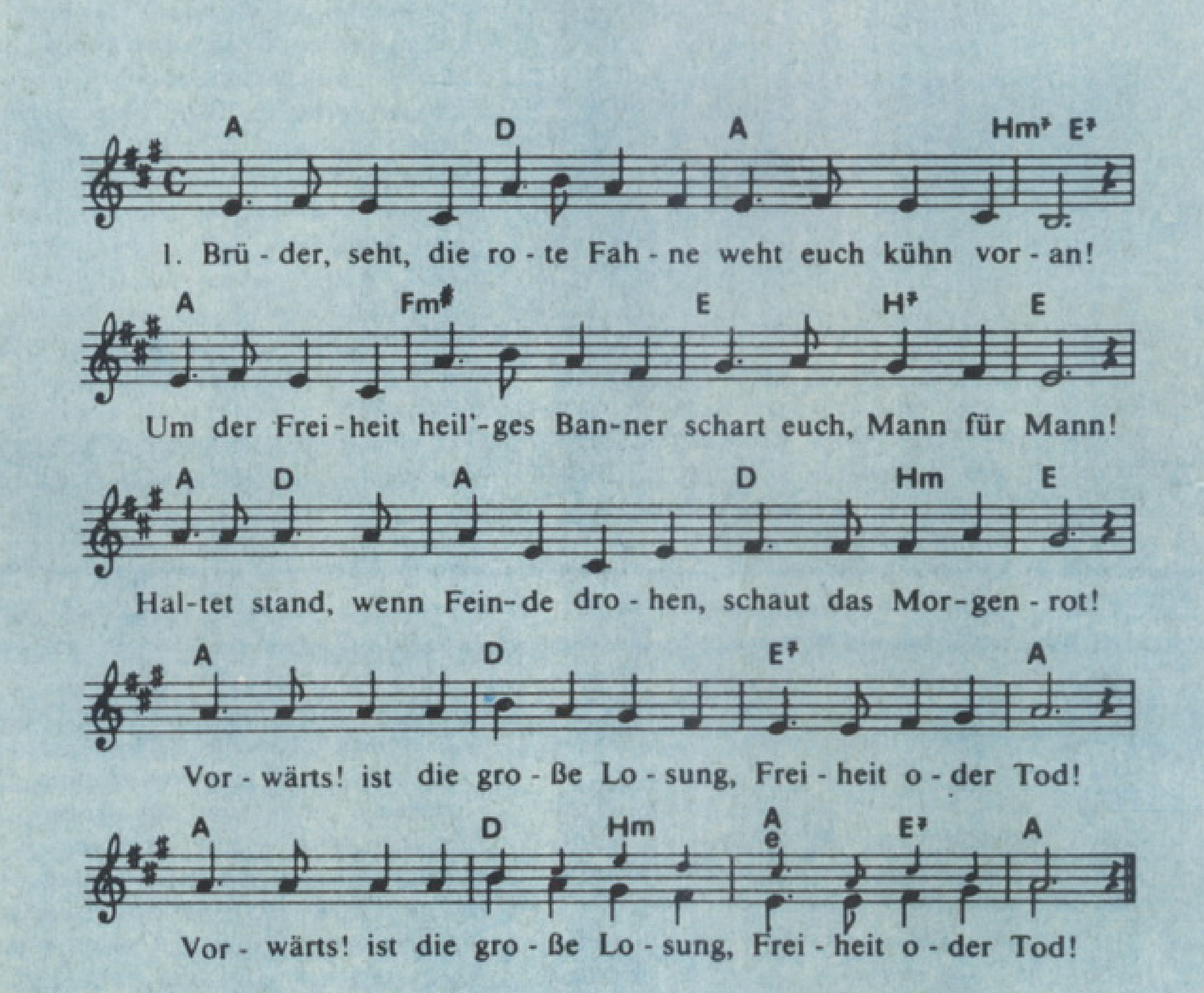
Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Т. П. Дрыгина
Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.
Сдано в набор 23.03.87. Подписано к печ. 09.04.87. А01009. Формат 84×108 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 1 502 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 65.
Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21

167

«Братья, глядите, красное знамя смело зовет нас вперед! За красное знамя идите на бой, становитесь плечом к плечу. Из крови убитых прорастет новый урожай, не плачьте по павшим в бою. Из пепла нашей боли вырываются языки пламени, и муки, преследования и тюрьмы не погасят мужества. Смерть палачам и предателям, всем беднякам — хлеб! А как только отгремит последняя битва — оружие вон из рук. Протянем над освобожденной землей ленту братства. Вперед! Наш великий лозунг «Свобода или смерть!».

Мелодию этой американской народной песни привезли на III конгресс Коминтерна, который состоялся в Москве летом 1921 года, американские и английские коммунисты. Один из делегатов конгресса, немецкий поэт Эдвин Хорнль, написал на эту мелодию новые слова, и она стала песней коммунистов-интернационалистов.



2. Sind die ersten auch gefallen,
rüstet euch zur Tat!
Aus dem Blute unsrer Toten
keimt die neue Saat!
Weint nicht um des Kampfes Opfer,
schaut des Volkes Not!
Vorwärts! ist die grosse Losung,
Freiheit oder Tod!

3. Qual, Verfolgung, Not und Kerker
dämpfen nicht den Mut,
aus der Asche unsrer Schmerzen
lodert Flammenglut.
Tod den Henkern und Verrätern!
Allen Armen Brot!
Vorwärts! ist die grosse Losung,
Freiheit oder Tod!

4. Wenn die letzte Schlacht geschlagen,
Waffen aus der Hand!
Schlingt um die befreite Erde
brüderliches Band.
Hört, wie froh die Sicheln rauschen
in dem Erntefeld!
Vorwärts! ist die grosse Losung,
unser ist die Welt!

Индекс 70781
Цена 35 коп.